ФЕМИДА SCIENCE
№ 6(12)
2022
ISSN 2414-5750

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347

Бондаренко П. К.
Актуальные вопросы ликвидации юридических лиц **3**

Горбунова Е. С.
Каршеринг: проблемы договорного регулирования в условиях развития шеринговой экономики **7**

Грачёва А. А.
Проблемы исключения участника из общества с ограниченной ответственностью **10**

Свистов А. А.
Некоторые аспекты толкования ст. 15 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей», порождающие потребительскую недобросовестность **14**

РАЗДЕЛ II. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.9

Анохина В. И.
Сохранение существующего состояния отношений (status quo) между сторонами как основание для принятия обеспечительных мер в корпоративных спорах (эмпирический анализ) **20**

Бегельдиева А. Н.
Электронные доказательства в гражданском процессе **24**

Дорохов М. А.
Злоупотребление процессуальными правами при осуществлении доказывания в гражданском судопроизводстве **28**

Свистов А. А.
Понятие и способы злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе **32**

Федоров С. Д.
А. Ф. Кони о нравственном аспекте в судебной деятельности **37**

Цветкова В. С.
Спорные вопросы учения о допустимости доказательств **41**

РАЗДЕЛ III. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

УДК 340.6

Кашина М. В.
Языковая личность в рамках судебной экспертизы 46

РАЗДЕЛ IV. ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 349.2

Бондаренко П. К.
Ключевые аспекты трудового права в период изменений в законодательстве в ходе Великой Отечественной войны. 50

РАЗДЕЛ V. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 336

Антипов К. И.
Современное состояние и актуальные вопросы развития налоговой системы России 53

Чвиров В.В.
Особенности структуры и формирования органов управления кредитной организации 57

РАЗДЕЛ VI. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 349.6

Бондаренко П. К.
К понятию о видах и составе экологических правонарушений и экологических преступлений 62

РАЗДЕЛ VII. ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81

Лебедева П. М.
Защита чести, достоинства и деловой репутации в современной юридической лингвистике 66

Сизова К. В.
Проявление языковой вражды в номинации этнической принадлежности как объект изучения юрислингвистики. 70

Тихон А. В.
Архаизмы: пережиток прошлого или актуальное наследие?. 74

«Фемида.Science»
Ежеквартальный журнал
Тематика: Научные публикации по вопросам правовой науки и смежных наук
Издается с 2015 года. Зарегистрирован 30.12.2014 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство ЭЛ № ФС 77-60434
Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия»
Адрес редакции: 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69а, каб. 305

Рабочая группа:
Координатор: Лужина О.В.
Верстка: Егорова Т. Б.
Специалист по инновационным проектам: Любимова М. Д.
Корректор: Кукина М. В.
Куратор от ФНО: Побирохина А.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Бондаренко П. К.
студент 4 курса РГУП

Для начала необходимо дать понятие ликвидации юридического лица. В п. 1 ст. 61 ГК РФ раскрывается сущность и последствия ликвидации. Таким образом, ликвидацией юридического лица принято считать прекращение его существования. Важно заметить, что права и обязанности не переходят при ликвидации к другим лицам.

Считаем важным выявить на начале нашего исследования виды ликвидации юридических лиц. Юридическое лицо может быть ликвидировано как добровольно, так и принудительно. Ликвидация на добровольной основе производится в случае, если к такому решению пришли учредители (участники), по решению органа, который наделен особым видом полномочий в соответствии с уставом. Стоит отметить условия, при которых производится добровольная ликвидация. Одним из таких условий может выступать истечение срока, на который создавалось юридическое лицо. В случае достижения цели, ради которой лицо было создано, либо в случае невозможности ее достижения, при таких обстоятельствах, допускается ликвидация юридического лица на добровольной основе.

Подлежит принудительной ликвидации юридическое лицо по решению суда или органом, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц. Гражданским Кодексом допускаются основания для принудительной ликвидации юридического лица. Обратимся к подп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ. В частности, она закрепляет, что юридическое лицо подлежит принудительной ликвидации по решению суда в случае невозможности достижения целей, для которых юридическое лицо было создано, также невозможность или существенное затруднение деятельности юридического лица[1]. Примером такой ситуации может служить корпоративный конфликт между участниками хозяйственного общества, владеющими акциями или долями на паритетных началах. Наиболее частым способом решения такой конфликтной ситуации является ликвидация юридического лица в судебном порядке. Важно отметить, что предъявить иск в суд может как учредитель, так и участник, если уставом юридического лица не было принято решение о его добровольной ликвидации[2]. При анализе п. 6 ст. 61 и п. 1 ст. 65 ГК РФ нужно заметить, что в случае признания судом юридического лица несостоятельным (банкротом), производится принудительная ликвидация юридического лица. В случае совершения юридическим лицом правонарушения на основании пп. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ оно подлежит принудительной ликвидации. В качестве правонарушения может быть установлена деятельность, противоречащая предписаниям закона. Такая деятельность вполне может противоречить Конституции РФ и иным нормативно — правовым актам. Обратимся к Постановлению Конституционного суда от 18.07.2003 № 14-П. Данное постановление разъясняет ст. 61 ГК РФ, из этого делаем вывод о том, что арбитражные суды при рассмотрении дела о ликвидации юридического лица, могут принять решение о ликвидации лишь в том случае, если неоднократные нарушения законодательства будут носить существенный харак-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] *Суханов Е. А.* Гражданское право: Учебник: в 4 т. М., 2019. Т. 1. С. 212.

тер[3]. Необходимо внимательно проанализировать нарушения юридического лица, и суд должен разобраться, будет ли соразмерен юридическому лицу с выявленными нарушениями закона такой вид санкции как ликвидация[4]. Пп. 4 п. 3 ст. 61 ГК РФ закрепляет принудительную ликвидацию юридического лица при осуществлении систематической деятельности, противоречащей уставным целям. При создании юридического лица с грубыми нарушениями закона, носящими неустранимый характер, оно подлежит принудительной ликвидации. Государственная регистрация в таком случае будет признана недействительной на основании подп. 1 п. 3 ст. 61 ГК РФ.

В наши дни арбитражные суды при рассмотрении дел о ликвидации юридических лиц руководствуются Постановлением КС № 14-П. В соответствии с ним, суд, вынося решение о ликвидации юридического лица, не может руководствоваться лишь фактом неоднократности нарушений, совершенных юридическим лицом. То есть, нарушения и последствия, вытекающие из них, должны быть соразмерны такой санкции как ликвидация юридического лица. Проанализировав Постановление КС РФ № 14-П, подп. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ, Постановление Пленума ВС РФ № 25, Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 84 можем сделать вывод о том, что суд не может в достаточной степени полно определить, какие нарушения считаются грубыми, так как и Пленум Верховного Суда и Конституционный Суд дают разъяснения лишь «неоднократности» нарушений, а именно, что они должны быть существенными, чтобы суд, рассмотрев дело, мог спокойно ликвидировать юридическое лицо. Весь этот процесс глубокого анализа нарушений и выявления из них существенных создает некие затруднения при принятии решения о ликвидации юридических лиц, ссылаясь на подп. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ и руководствуясь вышеперечисленными и проанализированными мною нормативно — правовыми актами. Таким образом, видим необходимость дать разъяснение в Постановлении Пленума ВС РФ № 25, в п. 28, раскрывающее положения подп. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ. Также при анализе Приказа ФНС России № ММВ-7-14/72@ возникают вопросы к подп. 3 п. 2. А именно, указано, что проверка достоверности сведений возможна, в случае если адрес, указанный в ЕГРЮЛ, является адресом 5 и более юридических лиц[5]. Но нет никакой информации в Приказе, как действовать регистрирующему органу при выявлении зарегистрированных по одному адресу от 2 до 4 юридических лиц. Хотелось бы, чтобы в Приказе этот вопрос был отражен в полном объеме.

Обратимся к судебной практике. Так, Арбитражный суд Краснодарского края удовлетворил иск Межрайонной Инспекции ФНС № 16 по Краснодарскому краю к ООО «САВИТРИ» по делу № А32-25160/2018. Таким образом, в целях установления достоверности адреса места нахождения общества, ИФНС по Темрюкскому району

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 №14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация» // СЗ РФ. 2003. № 30. ст. 3102.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

[5] Приказ ФНС России от 11.02.2016 № ММВ-7-14/72@ «Об утверждении оснований, условий и способов проведения указанных в пункте 4.2 статьи 9 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» мероприятий, порядка использования результатов этих мероприятий, формы письменного возражения относительно предстоящей государственной регистрации изменений устава юридического лица или предстоящего внесения сведений в Единый государственный реестр юридических лиц, формы заявления физического лица о недостоверности сведений о нем в Едином государственном реестре юридических лиц». URL: https://www. nalog. gov. ru/rn77/about_fts/docs/6085364/ (дата обращения: 01.06.2021).

Краснодарского края 30.05.2018 проведены контрольные мероприятия, обследование места нахождения ООО «Савитри», в ходе которых установлено, что по адресу регистрации общество не располагается, финансово-хозяйственная деятельность не ведется[6]. Вывески информативного характера, рекламные щиты, контактные телефоны, указывающие на местонахождение общества, о наличии организации, отсутствуют. Суд, руководствуясь пп. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ и ссылаясь на Постановление КС РФ № 14-П пришел к выводу о ликвидации юридического лица.

Действительно важно отметить тот факт, что по решению регистрирующего органа ликвидируются недействующие юридические лица, которые не представляют необходимый перечень документов о налогах и сборах, а также не производят никаких операций хотя бы по одному банковскому счету[7]. Обычно такие компании имеют наименование «компании-однодневки». Компании создаются под видом общества с ограниченной ответственностью, практически не имеют имущества, лишь формально числятся в ЕГРЮЛ. Данное юридическое лицо считается недействующим, его деятельность прекращена, а значит, должно быть исключено из ЕГРЮЛ (п. 1 ст. 64.2 ГК РФ). Учредители (участники) в случае ликвидации юридического лица, обязаны совершить действия за счет имущества, а в случае его недостаточности, солидарно, значит, за свой счет независимо от оснований ликвидации. Ссылаясь на п. 5 ст. 62 ГК РФ, важно отметить, что в случае неисполнения учредителями своих обязательств по ликвидации юридического лица или ненадлежащем исполнении, государственный орган, наделенный специальными полномочиями или заинтересованные лица вправе потребовать ликвидации юридического лица в судебном порядке. Арбитражный управляющий может быть назначен по заявлению государственного органа или заинтересованных лиц. Если юридическое лицо не может быть ликвидировано из-за отсутствия средств на расходы, которые необходимы для ликвидации, а также невозможности возложить данные расходы на учредителей (участников), юридическое лицо будет исключено из ЕГРЮЛ[8] на основании ч. 5 п. «а» ст. 21.1 ФЗ № 129-ФЗ.

Важно затронуть тему специальной процедуры ликвидации юридического лица. Так как при ликвидации у юридического лица прекращаются права и обязанности, необходимо предпринять меры по защите интересов кредиторов. Соответствующий орган или учредители (участники) в случае принятия решения о ликвидации юридического лица должны сообщить о таком желании в регистрирующий орган для внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ согласно п. 1 ст. 62 ГК РФ. Ликвидационная комиссия или ликвидатор является одним из главных участников процесса ликвидации юридического лица, после назначения комиссии устанавливаются сроки ликвидации на основании п. 3 ст. 62 ГК РФ. Полномочия по управлению делами ликвидируемого юридического лица переходят к ликвидационной комиссии (ликвидатору) после ее

---

[6] Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 1 августа 2019 г. по делу № А32-25160/2018 по иску Межрайонной Инспекции Федеральной налоговой службы № 16 по Краснодарскому краю к обществу с ограниченной ответственностью «САВИТРИ» о ликвидации общества с ограниченной ответственностью «САВИТРИ», возложении обязанностей по осуществлению ликвидации ООО «САВИТРИ» на учредителя Валлберг Ассошиэйтс ЛТД // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact. ru/arbitral/doc/H2F4N0kZZLx7/ (дата обращения: 01.06.2021).

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2983-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макарова Сергея Аркадьевича на нарушение его конституционных прав статьей 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts. ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112018-n-2983-o/ (дата обращения: 01.06.2021).

[8] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Российская газета. 2001. № 153–154.

назначения. В суде от имени ликвидируемого юридического лица выступает ликвидационная комиссия. П. 4 ст. 61 ГК РФ четко описывает нам, как регулируются отношения по поводу обязательств между юридическим лицом, которое подлежит ликвидации и кредиторами. Важно заметить, что обязательства перед кредиторами считаются наступившими с момента принятия решения о ликвидации юридического лица. Обратимся к п. 2 ст. 64.1 ГК РФ. Члены ликвидационной комиссии обязаны возместить убытки, причиненные либо учредителям, либо кредиторам при наличии требований о возмещении убытков. Ликвидационная комиссия выявляет кредиторов, в письменной форме уведомляя их о ликвидации юридического лица. Кроме уведомления, публикует информацию о ликвидации юридического лица ликвидационная комиссия, а также о порядке и сроке заявления требований кредиторами в средствах массовой информации. Срок заявления требований кредиторами не может превышать двух месяцев с момента публикации информации о ликвидации юридического лица.

Затем оформляется промежуточный ликвидационный баланс. В абз. 1 п. 2 ст. 63 ГК РФ установлен определенный перечень сведений. В промежуточном ликвидационном балансе необходимо присутствие сведений об имуществе юридического лица, требованиях, которые были предъявлены кредиторами лицу, итоги рассмотрения требований, список требований, которые были удовлетворены судом и вступили в законную силу решением суда. Учредителями (участниками) или органом, который наделен особыми полномочиями, принявшими решение о ликвидации юридического лица, утверждается ликвидационный баланс. Иногда это происходит по согласованию с уполномоченным государственным органом в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 63 ГК РФ. Такой случай доступно раскрывается в ст. 23 ФЗ № 395–1. Согласно статье, при ликвидации кредитной организации промежуточный ликвидационный и ликвидационный балансы утверждаются по согласованию с Банком России[9]. После утверждения баланса производятся расчеты с кредиторами юридического лица, подлежащего ликвидации. К сожалению, не совсем еще изучена практика применения нормативно-правовых актов о несостоятельности (банкротстве). Существуют различного рода злоупотребления в этой сфере, использование института банкротства, так же как и институтов в области акционирования, для передела собственности[10]. На основании п. 9 ст. 63 ГК РФ ликвидацию юридического лица можно считать завершенной, когда юридическое лицо прекратило свое существование после внесения соответствующей записи в ЕГРЮЛ.

Подводя итоги, необходимо сказать следующее. Вопросы ликвидации юридических лиц являются одними из значимых. Законодательством на текущий момент установлен определенный порядок ликвидации. Однако при изучении и анализе различных правовых актов возникают вопросы касаемо правильного толкования положений гражданского законодательства. Определенные вопросы, на наш взгляд, еще не изучены в полной мере. Некоторые положения статей законодательства носят расплывчатый и нечеткий характер. Ликвидация юридических лиц является дискуссионной темой в наши дни и требует более глубокого изучения.

---

[9] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. ст. 492.

[10] *Алексеев С. С., Гонгало Б. М., Мурзин Д. В. и др.* Гражданское право: учебник. М., 2020. С. 56 (автор главы — С. С. Алексеев).

КАРШЕРИНГ: ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ШЕРИНГОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Горбунова Е. С.
студентка 4 курса РГУП

XXI век ознаменовал наступление новой цифровой эпохи, наметился переход от экономики «потребителя» к шеринговой экономике («sharing economy»), что дословно, в переводе с английского, означает — совместное использование товаров и услуг. На сегодняшний день каршеринг наиболее популярен в мире и является составной частью экономики совместного потребления. Если говорить про российский каршеринг, то его услуги преимущественно используются в крупнейших городах России: так 85% российского автопарка каршеринга сконцентрировано в столице, где и было положено начало формированию данного института[1].

На данный момент каршеринг определяется как вид краткосрочной (до 24 часов) аренды автомобилей физическим лицом у специализированных коммерческих организаций[2]. Для физических лиц каршеринг — это весьма выгодное явление, так как в данном институте не предполагается затрат на техническое и коммерческое обслуживание транспортного средства, а также расходов на страхование, на топливо и т. д.

В гражданском законодательстве России отсутствуют нормы, регулирующие прямо институт каршеринга. Изучая отдельные договоры каршеринговых компаний, можно обнаружить неоднозначность и противоречивость некоторых положений, касающихся отнесения института каршеринга к тому или иному виду договоров, предусмотренных Гражданским Кодексом Российской Федерации.

Так, компания «Яндекс. Драйв», занимающая первые позиции на российском рынке каршеринга, предлагает заключить договор аренды транспортного средства[3]. Компании «You Drive» и «Anytime Prime» ставят нас в известность о том, что мы можем заключить договоры аренды транспортного средства без экипажа[4]. ООО «Карусель РУС» заявляет, что его договор не является публичной офертой, и пользователь заключает договор присоединения[5]. Исходя из вышесказанного, анализ договоров, представляемых крупнейшими каршеринговыми компаниями, позволяет сделать вывод о том, что однозначности в правовой квалификации отношений по каршерингу в настоящем времени нет.

---

[1] Москва вышла в мировые лидеры по парку каршеринга // Stroi. mos. ru. URL: https://stroi. mos. ru/city_news/moskva-vyshla-v-mirovyie-lidiery-po-parku-karshieringha (дата обращения: 05.03.2021).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 № 831-р (ред. от 22.02.2019) «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://static. government. ru/media/files/EVXNIplqvhAfF2Ik5t6l6kWrEIH8fc9v. pdf (дата обращения: 05.03.2021).

[3] О Яндекс. Драйве // Яндекс. Драйв — каршеринг в Москве. URL: https://yandex. ru/support/drive/about/user-agreement. html (дата обращения: 06.03.2021).

[4] Договоры аренды транспортного средства без экипажа компаний «You Drive», «Anytime Prime» // You Drive. Оферта, Anytime Prime — автомобиль по подписке. URL: https://youdrive. today/oferta, https://storage. anytime. global/prime/public/documents/00/b3/79/1602660627523 (дата обращения: 06.03.2021).

[5] Договор присоединения «ООО «Карусель РУС» // Правила сервиса договора присоединения ООО «Карусель РУС». URL: https://cloud. carusel. club/api/base/public/doc?path=docs/agreement (дата обращения: 06.03.2021).

По правовой природе отношения каршеринга тяготеют к рамочному договору, предусмотренному ст. 429.1 ГК РФ. Объектом договора каршеринга является, по сути, весь автомобильный парк определенной компании, в то же время физическое лицо, являясь потребителем, имеет право использовать только один автомобиль, который можно идентифицировать (марка, номер и т. д.). В таком случае, необходимо заключение дополнительных (отдельных) договоров к рамочному в отношении уже конкретного объекта — автомобиля при каждом использовании[6].

Верховный Суд РФ трактует условия рамочного договора следующим образом: это часть заключенного в дальнейшем отдельного договора, в том случае, если договор в основном отвечает намерению сторон, проявленному в рамочном договоре, и, если иное не упомянуто сторонами или не следует из существа обязательств. В том случае, когда при оформлении дополнительного договора будет выявлено отсутствие ссылки на рамочный договор, то такое отсутствие само по себе не будет свидетельствовать о неприменении условий рамочного договора[7]. Следовательно, каршеринговые отношения можно квалифицировать как рамочный договор, так как физические лица могут пройти регистрацию в пользовательском соглашении всего один раз.

Большая часть компаний против применения договора проката к каршеринговым отношениям. И это вполне объяснимо. Договор проката, являясь публичным договором (ст. 426 ГК РФ), должен содержать одинаковую цену товаров, работ или услуг для потребителей. Однако, если по закону автомобиль считается источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), то соответственно и к потребителю предъявляется целый ряд требований, от которых зависит цена каршеринга (например, возрастные ограничения, водительский стаж и т. д.). Также к каршерингу не применимы п. 3 ст. 627 и ст. 628 ГК РФ, так как данные отношения возникают и прекращаются на основе мобильного приложения при помощи лицензионных и пользовательских соглашений.

Стоит отметить, что суды, разрешая гражданские дела о защите прав потребителей, приходят к выводу, что в основном сторонами заключается смешанный договор, обладающий признаками договора аренды транспортного средства без экипажа и договора оказания услуг, в частности по бронированию транспортного средства[8]. Данный вывод стоит признать спорным.

Во-первых, отношения каршеринга не в полном объеме «попадают» под нормы, регулирующие аренду транспортного средства без экипажа. Применяя часть норм § 3 главы 34 ГК РФ (например, ст. 644), теряется сущность каршеринговых отношений. Так, каршеринг не предполагает осуществление пользователем текущего и капитального ремонта, ему лишь предоставляется возможность ограниченного пользования автомобилем (возможность совершать поездки только на определенных территориях), а ремонтно-восстановительные работы, согласно сущности данного обязательства, должны осуществлять сами каршеринговые компании, а пользователи обязаны поддерживать только надлежащее состояние автомобиля.

Во-вторых, и договор возмездного оказания услуг не в полной мере соответствует существу каршеринга. Так, во многих договорах, которые нам предлагают заключить каршеринговые компании, не указана цена

---

[6] *Гриднева О. В.* Правовая природа договора каршеринга // Юридическая наука. 2020. № 8. С. 30.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. 2019. № 4.

[8] Решение Промышленного районного суда г. Самары от 17 февраля 2020 г. по делу № 2–900/2020 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact. ru/regular/doc/CLLRe9x1FP5b/ (дата обращения: 06.03.2021).

услуг каршеринга, хотя согласно ст. 779 ГК РФ она должна быть определена в договоре возмездного оказания услуг (существенное условие)[9].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в настоящее время каршеринг нельзя отнести ни к одному из поименованных договоров, закрепленных в ГК РФ. Стоит серьезная задача: внести изменения в главу 34 ГК РФ, и признать каршеринг самостоятельным видом договора, выделив его в отдельный параграф, при условии применения в отдельных случаях положений о договоре аренды.

[9] *Киселева А. И.* Проблемы правового регулирования договора каршеринга // Сборник тезисов XVIII Международной научно-практической конференции молодых ученых. 2019. С. 401.

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ ИСКЛЮЧЕНИЯ УЧАСТНИКА ИЗ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Грачёва А. А.
Омарова А. Ш.
студентки 4 курса РГУП

В современном мире происходит стремительное развитие правоотношений, что влечет за собой изменение и трансформацию правовых институтов, в том числе направленных на регулирование отношений участников внутри корпорации. Актуальной представляется проблематика исключения участника из общества с ограниченной ответственностью (далее — общество), как мера защиты прав других участников и хозяйственного общества в целом. Это, прежде всего, связано как со стремительным изменением правоприменительной практики, так и с наличием в ней множества противоречий.

Исключение участника является специальным корпоративным способом защиты прав[1], цель которого — устранение вызванных поведением одного из участников препятствий к осуществлению нормальной деятельности общества. Согласно другой позиции, исключение участника — это высшая мера корпоративной ответственности[2], которая влечет за собой «фактическую потерю корпоративной правоспособности, как «способности в будущем приобрести права обязательственного характера» в рамках деятельности общества, участником которого лицо прежде являлось»[3].

Предлагаем рассмотреть следующие проблемы, которые возникают при исключении участника из общества.

1. Проблема установления критериев оценки грубого нарушения лицом своих обязанностей и значительного затруднения деятельности общества.

2. Проблема лишения участников, доли которых в совокупности составляют менее 10%, права на подачу иска об исключении другого участника.

3. Проблема выплаты стоимости доли при исключении участника.

В ст. 10 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — ФЗ об ООО) указано, что «участники общества вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет» [4].

Возникает вопрос относительно того, какие нарушения необходимо считать грубыми или затрудняющими положение общества. Согласно п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского

---

[1] *Ломакин Д. В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 425.

[2] *Лаптев В. А.* Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М., 2019. С. 205.

[3] *Белов В. А.* Общие проблемы корпоративного права. Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2019. С. 62.

[4] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-Ф «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 30.

кодекса Российской Федерации»[5] (далее — ПП ВС РФ № 25) именно суд дает оценку действиям участника хозяйственного общества[6].

Так, представляется интересным постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 августа 2021 г. по делу № А75-17794/2020. Участник ООО обратился в Арбитражный суд Ханты-Мансийского округа — Югры с исковым заявлением к мажоритарному участнику об исключении из состава участников ООО.

Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении исковых требований.

Суд кассационной инстанции удовлетворил кассационную жалобу и направил дело на новое рассмотрение, указав, что «При рассмотрении дел об исключении участника из хозяйственного товарищества или общества суд дает оценку степени нарушения участником своих обязанностей, а также устанавливает факт совершения участником конкретных действий или уклонения от их совершения и наступления (возможности наступления) негативных для общества последствий.

Также суды не исследовали причины не проведения собраний в течение такого продолжительного времени и их уважительность, не включили в предмет исследования вопрос о том, в каком состоянии находится общество, повлияло ли отсутствие собраний на его нормальное функционирование, и соответственно, привело ли к существенному ущербу для общества». То есть суд самостоятельно дал оценку тому, являются ли указанные истцом нарушения грубыми.

При этом законодательно не установлены критерии оценки или конкретный перечень действий, которые можно признавать грубыми. В вышеуказанном ПП ВС РФ № 25 приводится лишь примерный перечь грубых действий, который является открытым (например, причинение значительного ущерба имуществу общества, недобросовестность при совершении сделки и осуществление конкурирующей деятельности), что не создает ограничений для суда и порождает субъективизм при принятии решений, что приводит к правовой неопределенности и противоречиям в судебной практике.

Например, за одно и то же правонарушение, а именно совершение участником общества действий, заведомо противоречащих интересам юр. лица при выполнении функций единоличного исполнительного органа, одни суды удовлетворяют исковые требования об исключении участника[7], а другие суды отказывают в их удовлетворении[8].

Исходя из смысла вышеприведенных норм и разъяснений, критерии оценки, определяющие, должен ли остаться участником общества ответчик, не предусмотрены. В каждом конкретном случае установление данных обстоятельств является исключительным правом и обязанностью суда.

Таким образом, предлагается законодательно закрепить в ст. 10 ФЗ об ООО критерии определения грубого нарушения

---

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. №140.

[6] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 августа 2021 года по делу № А75-17794/2020. URL: http://www. consultant. ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=AZS&n=178268#gqxVswSqEgbN1StH (дата обращения: 30.10.2021).

[7] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 04.12.2014 по делу № А58-7747/2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact. ru/arbitral/doc/To87IvzHGgZQ/ (дата обращения: 30.10.2021); Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2014 № 08АП-12178/2014 по делу № А70-5202/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact. ru/arbitral/doc/KZZelCGDnjVK/ (дата обращения: 30.10.2021).

[8] Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 12.03.2015 № 06АП-649/2015 по делу № А37-509/2014. URL: http://www. consultant. ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=RAPS006&n=42838#b26kswSCcE0C9p4j4 (дата обращения: 30.10.2021); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.02.2015 № Ф05-16727/2014 по делу № А40-56632/14. URL: https://base. garant. ru/41751142/ (дата обращения: 30.10.2021).

участником своих обязанностей с одновременным изданием Пленума или Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, где будет максимально разъяснен механизм применения данных критериев с конкретными примерами из судебной практики. Что касается затруднительного положения общества, то необходимо закрепить признаки такого положения на законодательном уровне.

Следующая проблема касается невозможности реализации права участников, совокупная доля которых менее 10%, на исключение участника из общества.

Вновь обратимся к ст. 10 ФЗ об ООО, в которой указано, что право требования об исключении участника имеют лишь участники общества, доли которых в совокупности составляют не менее чем десять процентов уставного капитала общества. Данная статья создает ущемление прав миноритарных участников, что ведет к невозможности исключения участника из ООО.

Однако в п. 10 ст. 19 Федерального закона от 30.11.1994 № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» нет императивного указания на размер доли, необходимой для права требования об исключении участника из общества. В статье речь идет о том, что участник общества, которое зарегистрировано в Республике Крым независимо от размера доли вправе требовать исключения другого участника, не приведшего свои уставные документы в соответствие с законами РФ[9].

То есть опять можно увидеть правовую неопределенность и дифференциацию по территориальному признаку.

К сожалению, доктринального обоснования, почему установлен минимальный размер доли для обращения 10%, нами найдено не было. Но предполагается, это связано с тем, что при отсутствии такого порога количество обращений в судебные инстанции со стороны миноритарных участников, имеющих незначительный размер доли, неуклонно возрастет, что может привести к увеличению загруженности судов по малозначительным делам.

Предлагается закрепить на законодательном уровне список грубых нарушений, по которым участник общества вне зависимости от размера его доли, сможет обратиться в суд.

Необходимо также отметить, что существуют проблемы как в процессе самой процедуры исключения участника из ООО, так и в последствиях этого исключения.

Так, отчуждение доли вследствие вступления в законную силу решения суда об исключении участника из ООО согласно п. 4 ст. 23 ФЗ «Об ООО» является специальным обстоятельством и несет определённые правовые последствия, как для бывшего участника ООО, так и для самого общества. Общество само обязано оплатить стоимость доли исключенного участника по решению суда, так как доля такого участника переходит к обществу.

Именно определение действительной стоимости доли и порождает проблемы при применении закона. Например, относительно формы выплаты, которая согласно абз. 3 п. 2 ст. 23 ФЗ об ООО может быть не только денежной, но и натуральной, то есть в виде имущества равной стоимости. При этом натуральная форма может иметь место лишь при согласии самого участника. Если бывший участник готов на компенсацию в натуральном выражении, необходимо удостовериться в соответствии цены передаваемого имущества действительной стоимости его доли.

Возникает проблема относительно стоимости имущества, которая в соответствии с законом должна рассчитываться по данным бухгалтерского баланса, но судебная практика позволяет учесть и рыночную стоимость[10] (п. 1 Обзора судебной практи-

[9] Федеральный закон от 30.11.1994 № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3302.

[10] Определения: от 24.02.2010 № ВАС-713/10 по делу № А38-3364/2007. URL: https://base. garant. ru/5874915/ (дата обращения:30.10.2021); от 10.02.2010 № ВАС-1050/10 по делу № А65-18394/2007-СГ1–57. URL: https://

ки рассмотрения дел по спорам о выплате действительной стоимости доли при выходе участника из общества с ограниченной ответственностью от 22 октября 2010 г.)[11]. Это приводит к правовой неопределённости расчета стоимости выплачиваемой доли в натуральном эквиваленте. Но не только это свидетельствует о том, что избранная законодателем модель определения формы выплаты исключенному участнику действительной стоимости доли крайне несовершенна, так как допускается возможность злоупотребления в связи с различиями между стоимостью согласно бухгалтерскому балансу и рыночной стоимостью. Это создает риск того, что исключенный участник не получит действительную стоимость принадлежавшей ему доли, что объективно нарушает его права.

Предполагается, что закрепление процедуры расчета доли как в денежном, так и в натуральном эквиваленте поможет решить вышеуказанную проблему.

Таким образом, несмотря на соответствующее законодательное регулирование, направленное на максимально бесконфликтное исключение участника из ООО и последствия данного исключения через суд, возникают проблемы в правоприменительной деятельности, что порождает правовую неопределенность. Это связано с наличием пробелов в правовом регулировании, которые дают свободу правоприменителям трактовать законодательство в свою пользу, что порождает противоречивую судебную практику и неравенство субъектов корпоративного права. Предложения по решению указанных в работе проблем указаны выше.

sudrf. cntd. ru/rospravo/document/885174768 (дата обращения: 30.10.2021); от 14.01.2010 № ВАС-17700/09 по делу № А07-25415/2006. URL: https://sudrf. cntd. ru/rospravo/document/885177601 (дата обращения: 30.10.2021).

[11] Обзор судебной практики рассмотрения дел по спорам о выплате действительной стоимости доли при выходе участника из общества с ограниченной ответственностью: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации // КАД Арбитр. URL: https://11aas. arbitr. ru/pract/obobschenija_sudebnoj_praktiki/vyplata_dolei_ooo (дата обращения: 30.10.2021).

УДК 347

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ СТ. 15 ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 07.02.1992 № 2300–1 «О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ», ПОРОЖДАЮЩИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКУЮ НЕДОБРОСОВЕСТНОСТЬ

Свистов А. А.
магистр частного права юрист ООО «Юридическая компания «Митра»

Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей) действует на территории Российской Федерации более 25 лет. Этот нормативно-правовой акт содержит действительно реальный правовой механизм защиты прав потребителей как более слабых субъектов правоотношений, возникающих в сфере приобретения или заказа товаров, работ и услуг по отношению к продавцу, так и изготовителю.

Закон, с одной стороны, четко определяет порядок предоставления услуг и продажи товаров, с другой — обеспечивает надежную правовую охрану и защиту интересов потребителей. Естественно, потребители имеют возможность предъявлять разнообразные требования, выраженные в форме претензий или исковых заявлений к продавцу, при этом они не всегда связаны с нарушениями со стороны продавца (изготовителя). Широкий круг прав потребителей иногда порождает недобросовестные действия с их стороны, а именно: злоупотребление своими правами и манипулирование нормами законодательства о защите прав потребителей, преследуя извлечение материальной выгоды, прикрываясь требованиями по незначительным, формальным нарушениям. В связи с этим в обыденной жизни и юриспруденции появилось понятие «потребительский экстремизм», иначе — потребительская недобросовестность, что ближе к гражданским правоотношениям.

На данный момент безусловное и порой даже слепое подчинение судов идеям о «необходимости защиты прав потребителей в любой ситуации» и «потребитель всегда прав», обеспечивающим защиту даже при абсолютно необоснованных требованиях. К примеру, одним из таких частых требований потребителей является компенсация морального вреда, которая регулируется ст. 15 Закона о защите прав потребителей.

Согласно ст. 15 Закона о защите прав потребителей моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда (ФЗ «О защите прав потребителей»).

В цивилистической доктрине отмечается, что институт компенсации морального вреда включает в себя следующие элементы (в аспекте общественных отношений в сфере розничной купли-продажи): непо-

средственно моральный вред — физические или нравственные страдания, причиненные действиями (бездействием) продавца, посягающими на принадлежащие гражданину (потребителю) от рождения или в силу закона нематериальные блага, или нарушающими его личные неимущественные права, либо нарушающими имущественные права гражданина; противоправные действия продавца; причинная связь между противоправным действием и последствиями, которые наступили; вина продавца.

Для установления факта причинения морального вреда каждый его элемент обязателен и должен быть установлен судом. Но на практике при компенсации морального вреда ситуация складывается иначе, так как суды не устанавливают должным образом каждый составной элемент данного института. Приведем примеры:

В решении от 22 мая 2018 г. по делу № 2–1964/2018 Центрального районного суда г. Тольятти указано, что суд считает доказанным факт причинения нравственных страданий истцу со стороны ответчика, поскольку истцу был продан товар ненадлежащего качества. При определении размера компенсации морального вреда суд исходит из того, что истец не представил доказательств, подтверждающих причинение ему физических или нравственных страданий. Однако Закон РФ «О защите прав потребителей» предусматривает компенсацию морального вреда во всех случаях нарушения прав потребителей, в том числе и имущественных. Учитывая требования соразмерности и справедливости, суд считает достаточной компенсацию морального вреда в размере 500 руб.[1].

В апелляционном определении Московского городского суда от 20 февраля 2017 г. по делу № 33–6171/2017 указано, что истцу ответчиком был продан некачественный товар — видеорегистратор. В письменной претензии истец просил ответчика помимо возврата оплаченных за товар денежных средств выплатить ему компенсацию морального вреда в связи с продажей ему некачественного товара. При решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя.

Принимая во внимание установленный факт продажи ответчиком некачественного товара, что подтверждает нарушение прав истца как потребителя, с ответчика в пользу истца подлежала взысканию денежная компенсация морального вреда в силу положений ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей». С ответчика в пользу истца на основании положений ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей» подлежит взысканию компенсация морального вреда, которую с учетом степени вины ответчика, принципа разумности и справедливости, судебная коллегия определяет в размере 500 руб[2].

Как видно из практики, судам достаточно подойти формально, установив факт нарушения прав покупателя и один из четырех элементов морального вреда — вину продавца, что является в корне неверным.

При факте нарушения прав покупателя практически всегда содержатся: противоправные действия продавца; вина продавца, однако причинная связь между противоправным действием и последствиями, которые наступили, а также непосредственно физические и нравственные страдания должны быть доказаны самим покупателем, но судебная практика идет по другому пути, тем самым формируя потребительскую недобросовестность и даже неосновательное обогащение покупателя за счет продавца.

Усугубляет ситуацию п. 2 абз. 17 «Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите прав потребителей, связанным с реализацией товаров и услуг», утвержденный Президиумом Верховного Суда

[1] Решение от 22 мая 2018 г. по делу № 2–1964/2018 Центрального районного суда г. Тольятти // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact. ru/regular/doc/AjAVFX6VR76d/ (дата обращения: 20.03.2021).

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 20 февраля 2017 г. по делу № 33–6171/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

от 17.10.2018 г.[3], указано, что по смыслу Закона о защите прав потребителей сам факт нарушения прав потребителя презюмирует обязанность ответчика компенсировать моральный вред. Данная позиция означает, что вина продавца (изготовителя) предполагается, пока не доказано иное, тем самым Верховный Суд применил презумпцию и усилил положение потребителя, освободив его от доказывания морального вреда, что представляет собой большую проблему для продавцов. Такое толкование противоречит правовой природе морального вреда и ст. 56 ГПК Российской Федерации, согласно которой каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Исходя из Гражданского кодекса и Закона о Защите прав потребителей, ввиду отсутствия каких-либо специальных норм, касающихся доказательства морального вреда, данные обстоятельства должен доказывать именно покупатель (потерпевший).

Более того, согласно п. 1 абз. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», суду следует также устанавливать, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора[4].

Таким образом, суду необходимо учитывать характер причиненных потерпевшему нравственных страданий, фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред, принцип разумности, определяющий соразмерность компенсации характера причиненного вреда, которая не приводила бы к неосновательному обогащению потерпевшего, а также принцип справедливости, означающий, что компенсация морального вреда, с одной стороны максимально могла возместить причиненный вред, а с другой — не ставила причинителя вреда в тяжелое имущественное положение.

Следующая проблема заключается в определении факта нарушения прав потребителя. В силу п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» при решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя[5].

Исходя из вышесказанного, целесообразно отметить, что на данный момент в правоприменительной практике сложилось две диаметрально разные позиции судов по вопросу применения ст. 15 Закона о защите прав потребителей, в связи с тем, что признавать фактом нарушения прав потребителя. В первом случае суды признают нарушением прав потребителя только неудовлетворение в установленный Законом срок определённых требований к продавцу по ст. 18 Закона (расторжение договора купли-продажи, обмен товара, устранение недостатков товара и т. д.), во втором случае суды признают нарушением и сам факт про-

[3] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите прав потребителей, связанным с реализацией товаров и услуг (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17.10.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 5.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 №17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 2012. № 156.

дажи товара (работ, услуг) с недостатками. Приведем примеры из судебной практики:

В решении от 11 сентября 2013 г. по делу № 2–5546/2013 Автозаводский районный суд г. Тольятти указал, что факт продажи товара ненадлежащего качества основанием для взыскания данной компенсации не является, т. к. выплата компенсации морального вреда по одному лишь факту продажи товара ненадлежащего качества статьей 18 Закона не предусматривается, и для её взыскания требуется установление нарушений продавцом прав потребителя, следующих из самого содержания данного Закона (как и вина продавца в допущенных нарушениях).[6]

В решении от 13 сентября 2016 г. по делу № 2–1922/2016 Бердского городского суда указано, что в действиях ответчика отсутствует нарушение прав истца как потребителя, поскольку все его требования удовлетворены в установленные законом сроки, а сам факт продажи товара ненадлежащего качества не является основанием для взыскания морального вреда, требования истца о взыскании денежной компенсации морального вреда в размере 50 000 рублей удовлетворению не подлежат[7]. Из этого следует, что суды заняли позицию, при которой сам факт продажи товара ненадлежащего качества не может являться нарушением прав потребителя, при удовлетворении требований покупателя.

Противоположная позиция выражена в следующих решениях (на практике большинство судов занимают именно такую позицию):

В решении по делу № 2–3109/2018 от 15.10.2018 Октябрьский районный суд г. Тамбова установил факт некачественности товара.

С учетом степени причиненных нравственных страданий, а также с учетом фактических обстоятельств данного дела, степени вины причинителя вреда, суд считает необходимым удовлетворить частично исковые требования А. В. Кузьмичева о взыскании компенсации морального вреда, и взыскать с ответчика в пользу истца данную компенсацию, определив ее в размере 1 000 руб[8]. В соответствии с п. 6 ст. 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченный организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере пятьдесят процентов от суммы присужденной судом в пользу потребителя. Учитывая, что ответчиком нарушены права потребителя, суд в пользу истца взыскивает штраф в размере 500 руб.;

Президиум Красноярского областного суда в постановлении от 22 ноября 2016 г по делу № 44Г-83/2016 указал, что из системного анализа положений ст. 14 , 15 , 18 , 22 Закона РФ «О защите прав потребителей», с учетом разъяснений, изложенных в п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» следует, что факт нарушения прав потребителя в связи с продажей товара ненадлежащего качества представляет право потребителю обратиться с требованием к продавцу о компенсации морального вреда. При этом само по себе согласие ответчика на возвращение истцу денежных средств (в ответе на претензию) за некачественный товар не свидетельствует о восстановлении нарушенных прав истца в связи с продажей ему товара ненадлежащего качества и не может служить основанием

---

[6] Решение от 11 сентября 2013 г. по делу № 2–5546/2013 Автозаводского районного суда г. Тольятти // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact. ru/regular/doc/ZmHKrpFeiprT/ (дата обращения: 20.03.2021).

[7] Решение от 13 сентября 2016 г. по делу № 2–1922/2016 Бердского городского суда // СПС *«КонсультантПлюс»*.

[8] Решение по делу № 2–3109/2018 от 15.10.2018 Октябрьского районного суда г. Тамбова // СПС *«КонсультантПлюс»*.

для освобождения ответчика от ответственности, предусмотренной Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей», в виде возмещения потребителю убытков и компенсации морального вреда[9]. Таким образом, суды в данном случае заняли позицию, при которой факт продажи товара с недостатком является нарушением, вследствие чего удовлетворяли требования истца о компенсации морального вреда, несмотря на то что Ответчиком было удовлетворено требование Истца в сроки, установленные Законом о защите прав потребителей (либо выражена готовность удовлетворить требование) и данную позицию мы считаем ошибочной, которая порождает потребительскую недобросовестность.

Для установления факта морального вреда каждый элемент должен быть установлен судом, однако, проанализировав дела, следует отметить, что продавцы действовали добросовестно, не допустили противоправные действия, в связи с чем отсутствует причинная связь между противоправным поведением и последствиями, которые наступили (или могли наступить), т. е. отсутствует вина, и, соответственно, требования о компенсации морального вреда не обоснованы.

В связи с презюмированием обязанности компенсации морального вреда может возникнуть еще одна проблема — штраф, который взыскивается с продавца (изготовителя) за несоблюдение в добровольном порядке требований потребителя в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя.

Представим ситуацию, что потребитель приобрел товар в размере 2000 руб., в котором обнаружил недостаток. Впоследствии данный недостаток по ст. 18 Закона продавец устраняет, однако покупатель на этом не останавливается и требует компенсацию морального вреда в размере 15000 руб., реализуя свое право, которое не может быть ограничено. Продавец отказывается добровольно исполнять такое требование, предложив вместо названной суммы только 1000 руб. Покупатель не согласен с предложенной компенсацией и обращается в суд.

Удовлетворяя требование о компенсации морального вреда в любом размере, суд также взыщет и штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присужденной в пользу потребителя (схожие фактические обстоятельства были по вышеприведенной судебной практике по делу Кузьмичев А. В. против ООО «Кораблик-Р»).

В данной ситуации потребитель на формально законных основаниях имеет возможность злоупотреблять правом изначально, заявляя несоразмерные требования, связанные с компенсацией морального вреда, а впоследствии ссылаться на несоблюдение в добровольном порядке его требований. Более того, исходя из содержания ст. 15 Закона о защите прав потребителей, моральный вред определяется только судом, в связи с этим продавец не имеет реальной возможности исполнить данное требование добровольно до вынесения решения судебным органом.

В этой связи остановимся на категории злоупотребления правом — форма заведомо недобросовестного поведения участников гражданских правоотношений. Согласно п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения[10]. Содержание недобросовестного поведения можно раскрыть следующим образом: субъект, действуя в рамках закона, формально не нарушает его, но в действительности происходит нарушение требований принципа добросовестности. В свою очередь принцип добросовестности в сжатом изложении можно раскрыть следующим образом — предполагаемые (в сложившихся условиях гражданского оборота) действия (бездействия) конкретного лица в гражданских правоотношениях, которые характеризуются абстрактностью, раз-

[9] Постановление Президиума Красноярского областного суда от 22 ноября 2016 по делу № 44Г-83/2016 // СПС *«КонсультантПлюс»*.

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Российская газета. 2021. № 144.

умностью, честностью и предполагают уважительное отношение к правам других лиц.

В вышеуказанном примере потребителем явно нарушен принцип добросовестности, в результате чего бороться с недобросовестными потребителями продавцу (изготовителю) необходимо, применяя ст. 10 ГК Российской Федерации, что повлечет отказ в защите прав и законных интересов покупателю, допустившему злоупотребления субъективными гражданскими правами.

В данной статье автор попытался обратить внимание, прежде всего, на существующие проблемы и не претендует на оспаривание баланса прав между потребителем и продавцом, так как в большинстве случаев действительно права потребителей нарушаются чаще. Потребители действительно являются более слабой стороной, однако в данном случае не стоит забывать о правах добросовестного продавца и защищать его от недобросовестных потребителей, формируя справедливую судебную практику.

Таким образом, проанализировав применение ст. 15 Закона о защите прав потребителей, судам для справедливого и обоснованного решения необходимо устанавливать все элементы морального вреда при наличии которых возможна компенсация. Для продавцов решением проблемы удовлетворения требования потребителей о компенсации морального вреда за факт продажи товара с недостатком и в последствии еще и взыскания штрафа, является возможность доказывания недобросовестного поведения (при его наличии) на основе применения принципа добросовестности, который должным образом судами не учитывается, в связи с чем порождает потребительскую недобросовестность в форме злоупотребления правом. В итоге это способствует установлению прецедентов извлечения прибыли потребителями и намеренном причинению реального ущерба продавцу, что является неосновательным обогащением.

УДК 347.9

СОХРАНЕНИЕ СУЩЕСТВУЮЩЕГО СОСТОЯНИЯ ОТНОШЕНИЙ (STATUS QUO) МЕЖДУ СТОРОНАМИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В КОРПОРАТИВНЫХ СПОРАХ (ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Анохина В. И.
студентка 3 курса магистратуры РГУП

При применении арбитражными судами обеспечительных мер в корпоративных спорах возникают противоречия, обусловленные пробелами в законодательстве.

В настоящее время перечень оснований для принятия обеспечительных мер является открытым, что позволяет судам принимать диаметрально противоположные решения по аналогичным делам, формируя разнообразную судебную практику. В этой связи М. С. Фалькович справедливо отмечает, что действующее законодательство не закрепляет конкретных оснований, обязывающих арбитражный суд обеспечить иск[1].

Рассматривая вопрос о применении обеспечительных мер по корпоративным спорам, арбитражные суды исходят из общих правил, установленных главой 8 АПК РФ, но с учетом специфики, закрепленной ст. 225.6 АПК РФ[2].

Большинство авторов полагают, что перечень оснований для применения обеспечительных мер необходимо оставить открытым. В частности, Н. В. Штанкова указывает на неудачность формулировки ст. 90 АПК РФ, содержащей основания применения обеспечительных мер, мотивируя тем, что в итоге суд принимает или отказывает в применении обеспечительных мер после оценки фактических обстоятельств дела, из чего делает вывод, что содержащиеся в ст. 90 АПК РФ основания не всегда свидетельствуют о необходимости их применения[3]. Точка зрения автора заслуживает внимания и разделяется нами.

Противоположной позиции придерживается Н. В. Котлярова, которая указывает на необходимость суда при рассмотрении заявления о применении обеспечительных мер определить связь испрашиваемой меры с предметом спора, соразмерность и фактическую реализацию целей[4].

Таким образом, несмотря на перечень оснований применения обеспечительных мер, решающее значение имеют обстоятельства дела, поскольку любое из перечисленных оснований носит оценочный характер и зависит от обстоятельств дела и от выводов судьи. На практике определяющее значение имеет судейское усмотрение, которое зави-

---

[1] *Фалькович М. С.* Обеспечительные меры арбитражного суда в новом арбитражном процессуальном кодексе // Вестник ВАС РФ. 2018. № 11. С. 54.

[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. ст. 3012.

[3] *Штанкова Н. В.* Обеспечительные меры в арбитражном процессе Российской Федерации: проблемы доказывания оснований применения: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 21.

[4] *Котлярова Н. В.* Сущность, виды и порядок применения обеспечительных мер в арбитражном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 48.

сит от ряда факторов: обстоятельств каждого дела, применимого lex arbitri, применимых процессуальных норм и правил, а также от толкования судьями критериев, которые будут применяться в каждом конкретном случае по-разному. Отсутствие единых стандартов создает значительные проблемы на практике: приводит истца и ответчика к неопределенности в отношении того, будет ли принято их заявление; судей это оставляет без четких указаний относительно критериев, которые они должны применять. Как итог, юридическая практика формируется не единообразно.

Пункт 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ содержит дополнительное основание принятия обеспечительных мер по корпоративным спорам — сохранение существующего состояния отношений (*status quo*) между сторонами в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю[5].

Под обеспечительными мерами, принимаемыми в целях сохранения существующего положения (*status quo*), понимаются меры, направленные на сохранение существующего правоотношения, спорных объектов или прав на них в том состоянии, в каком эти спорные правоотношения, объекты или права на них существовали до рассмотрения дела по существу, на момент, когда спорные действия были совершены, либо когда совершение оспариваемых действий возможно в будущем[6].

Полагаем, что права, подлежащие сохранению, должны относиться к способности запрашивающей стороны справедливо рассматривать и разрешать свои претензии и просьбы об освобождении от ответственности в арбитражном суде, которое фактически предоставляет истцу защиту, к которой он стремится, чтобы она была эффективной и могла быть достигнута. Таким образом, права, которые должны быть сохранены с помощью временных мер, ограничены требованиями и просьбами запрашивающей стороны о предоставлении помощи. Они могут быть общими правами, такими как право на надлежащую правовую процедуру или право не усугублять спор, но эти общие права должны быть связаны с конкретными спорами в арбитраже, которые, в свою очередь, определяются претензиями истца или обращениями о защите нарушенных прав.

Судебная арбитражная практика свидетельствует, что имеют место случаи, требующие принятия обеспечительных мер именно с целью сохранения существующего состояния отношений между сторонами (status quo).

Так, Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области пришел к выводу о том, что заявление об обеспечении иска является обоснованным в части запрета Михайловой Елене Викторовне совершать сделки с долями в уставном капитале ООО «НаукаСервис», а также запрета МИФНС № 15 по Санкт-Петербургу осуществлять регистрационные действия, направленные на внесение изменений в ЕГРЮЛ в отношении ООО «НаукаСервис» в части отчуждения и обременения долей в уставном капитале ООО «НаукаСервис», принадлежащих Михайловой Елене Викторовне, а также в части вступления новых участников в данное общество, увеличения уставного капитала и иных изменений, влекущих изменение объема прав Михайловой Елены Викторовны на долю в уставном капитале данного общества. Суд указал, что обеспечительные меры связаны с предметом спора, направлены, в том числе, на сохранение существующего состояния отношений (status quo) между сторонами[7].

---

[5] Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

[6] *Штанкова Н. В.* Основания принятия обеспечительных мер арбитражными судами: актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной практики // Предпринимательство и право. URL: http://lexandbusiness. ru/view-article. php?id=6790 (дата обращения: 18.06.2021).

[7] Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области об обеспечении иска от 10.06.2021 по делу № А56-27620/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://ras. arbitr. ru/Document/Pdf/50954c11-decc-4dec-ad66-cfc3613345d1/f91e13e2-0e36-4c98-872e-c1f4f8a011b5/%D0%9056-

УДК 347.9

Из приведенного примера следует, что сохранение существующего состояния отношений (status quo) между сторонами является основанием для применения судом обеспечительных мер в корпоративном споре.

По аналогичным основаниям, рассматривая заявление Богатырева И.Г. об отмене обеспечительных мер, суд принял решение отклонить ходатайство заявителя, указав, что права сторон не нарушаются, направлены на сохранение существующего состояния отношений (status quo) между сторонами[8].

И, напротив, обеспечительные меры могут быть отменены в случае, если они не направлены на сохранение существующего состояния отношений (status quo) между сторонами.

Так, Арбитражный суд Республики Татарстан при рассмотрении заявления об отмене обеспечительных мер указал, что согласно определению суда первой инстанции при принятии обеспечительных мер суд исходил из того, что принятие обеспечительных мер в виде запрета налоговому органу производить регистрацию изменений в сведения об ООО «Агро 5» в части отчуждения долей в обществе, прекращения и возникновения полномочий у лиц, действующих без доверенности, внесения изменений в устав общества или его новую редакцию, увеличения/уменьшения уставного капитала общества, испрашиваемые истцом обеспечительные меры были направлены на сохранение существующего состояния отношений между сторонами и на создание возможности исполнения судебного акта[9].

Судебная практика показывает, что российское корпоративное законодательство нуждается в перманентном развитии в части урегулирования оснований применения обеспечительных мер по корпоративным и другим спорам. Прецедентное право указывает на важное концептуальное различие. С одной стороны — право всех сторон на сохранение существующего состояния отношений (status quo) между сторонами в споре может служить основой для принятия обеспечительных мер, но только в исключительных обстоятельствах, которые удовлетворяют всем условиям для их принятия. С другой стороны — общая обязанность сторон действовать добросовестно и воздерживаться от любых действий, которые могут усугубить спор или повлиять на суд, постоянно применяется в ходе разбирательства, даже если обстоятельства не требуют принятия обеспечительных мер.

Таким образом, сохранение существующего состояния отношений между сторонами (*status quo*) является основанием для принятия обеспечительных мер, которое направлено на предотвращение негативных последствий в виде причинения значительного материального ущерба должнику и его кредиторам. Арбитражные суды, как правило, признают право на сохранение существующего состояния отношений (*status quo*) между сторонами в качестве самостоятельного процессуального права, защита которого может оправдывать принятие обеспечительных мер при условии соблюдения всех других условий для такой защиты. При рассмотрении заявления о принятии обеспечительных мер, основанных на сохранении существующего состояния отношений между сторонами, судьи определяют фактические и юридические обстоятельства, которые составляют соответствующий

27620-2021__20210610. pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 12.06.2021).

[8] Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области об обеспечении иска от 01.06.2021 по делу № А56-78719/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://ras. arbitr. ru/Document/Pdf/88a968e3-9b4d-4678-b89d-2396408e2b27/f0a7a86e-04c6-4de5-93eb-4d5a848bf80c/%D0%9056-78719-2020__20210601. pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 11.06.2021).

[9] Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 21.12.2020 по делу №А65-25510/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://ras. arbitr. ru/Document/Pdf/ebe4bcdb-730a-481a-8604-14ad29e677e7/f8a35495-8955-4a95-9c0b-1dd43b50fb14/%D0%9065-25510-2020__20201221. pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.06.2021).

status quo, и выясняют, как просьба связана с status quo.

Учитывая особенности, присущие корпоративным спорам, представляется необходимым дополнить существующий перечень оснований таким немаловажным основанием как сохранение существующего состояния отношений между сторонами (status quo). Закрепление данного основания будет свидетельствовать о государственных гарантиях защиты нарушенных прав обеих сторон, которые не повлекут причинения чрезмерных убытков, а также не ограничат права ответчиков.

УДК 347.9

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Бегельдиева А. Н.
студентка 3 курса РГУП

Судебное доказывание в гражданском процессе является ключевым средством судебной защиты, поскольку благодаря доказыванию суд в рассматриваемом деле определяет существующие права истца и сопутствующие им обязанности ответчика в пределах конкретных спорных правоотношений[1].

Одним из средств доказывания в гражданском судопроизводстве являются письменные доказательства. Существуют разнообразные методы получения указанных доказательств в гражданском процессе. Среди них ст. 71 ГПК РФ выделяет такие, как факсимильная, электронная и иные[2].

В доктрине выделяют понятие «нетрадиционные доказательства», в состав которых включают аудиозаписи и видеозаписи, аудиовизуальные произведения и иные. Так, Боннер А. Т., к примеру, выделяет полученную из сети «Интернет» информацию, показания специальных технических средств, электронные документы как средства установления обстоятельств дела с недостаточно определенным или неопределенным статусом[3].

В настоящее время в связи с развитием инновационных технологий, автоматизацией и компьютеризацией современной жизни, которые получили широкое развитие в обществе, в качестве средства доказывания в суде стали часто использоваться доказательства, имеющие электронную форму. В частности, стало возможным подавать в электронном виде в суд ходатайства, жалобы и т. п. Однако в качестве средства доказывания такие доказательства появились и стали использоваться в гражданском судопроизводстве относительно недавно, в связи с чем регулирование данной области не имеет четкой и структурированной регламентации и находится, так сказать, на начальном этапе. Нет единого нормативного правового акта, регламентировавшего бы сферу электронного документооборота и электронных доказательств, однако, несмотря на это, все же есть перечень НПА, которые в части регулируют вопросы, связанные с указанной сферой[4]. Следует согласиться с Боннером А. Т., что без внесения, так сказать, новшеств в судопроизводство, без внедрения в него передовых информационных технологий невозможна модернизация и судопроизводства[5].

Федеральным законом от 2016 г. № 220 были внесены изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, в частности, в ст. 71 ГПК РФ, согласно которой предусматривается возможность применения в суде электронных доказательств[6]. Данным ФЗ было расширено понятие «письменных доказательств». Теперь к таковым относятся помимо привычных

---

[1] *Лебедев М. Ю.* Гражданский процесс: Учебник для вузов. М., 2020. С. 129.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 27. Ст. 71.

[3] *Боннер А. Т.* Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М., 2013. С. 353.

[4] *Эстерлейн Ж. В.* Особенности электронного документа как источника доказательств в гражданском процессе // Вестник Пермского университета. 2011. № 2. С. 161.

[5] *Боннер А. Т.* Указ. соч. С. 352.

[6] Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СЗ РФ. 2016. № 29. Ст. 6.

в «быту» людям бумажных еще и документы, которые получены через сеть «Интернет» — электронные письма, сообщения, или которые подписаны электронной подписью[7].

Исходя из этого электронные доказательства могут быть представлены в двух основных формах — это электронные доказательства, которые подписаны электронной подписью — электронные документы, и не подписанные такой подписью — электронные письма и сообщения.

Понятие электронных доказательств законодательством не установлено. Рассматривая доктринальное определение «электронных доказательств», можно просмотреть, что большинство ученых, давая определение данному понятию, отождествляют их с понятием электронных документов. Так, определение понятия «электронный документ» дается п. 11.1 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому он представляет собой документированную информацию, которая представлена в электронной форме, а именно: в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах[8].

Горелов М. В., говоря об электронных документах, понимает под ними определенную информацию об имеющих для разрешения конкретного дела обстоятельствах, которая зафиксирована на цифровом носителе и обладает реквизитами, дающими возможность его идентифицировать[9]. И в данном случае отличительным признаком электронного документа от иных видов письменных доказательств является его форма[10].

Электронные, или цифровые, доказательства имеют свои специфические особенности, которые связаны со способами получения, хранения сведений, имеющих значение для разрешения данного дела, и получают путем использования современных технических средств.

Рассматривая определение с данной точки зрения, предполагается, что содержащий в себе необходимую информацию об имеющих значение для данного дела обстоятельствах цифровой документ, который получен в установленном законом порядке, и является электронным доказательством.

Однако, ст. 71 ГПК РФ установлено, что для установления достоверности информации, которая содержится в электронном документе, необходимо соблюдение некоторых правил, среди которых выделяется его подписание электронной подписью, которая, в свою очередь, подтверждает подлинность данного документа и, как отмечал в своем Решении от 15 января 2020 г. Железнодорожный районный суд города Воронежа, способствует идентификации подписавшего его лица[11].

Определение электронной подписи содержится в п. 1 ст. 2 ФЗ «Об электронной подписи», в соответствии с которым она предполагает собой «информацию в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию»[12]. Подписание таким образом электронного доку-

[7] *Рыжов К. Б.* Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе. М., 2012. С. 152.

[8] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 21. ст. 2.

[9] *Горелов М. В.* Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: Автореф. дис. … канд. наук. Екатеринбург, 2005. С. 21.

[10] *Эстерлейн Ж. В.* Особенности электронного документа как источника доказательств в гражданском процессе // Вестник Пермского университета. 2011. № 2. С. 162.

[11] Решение Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 15 января 2020 г. № 2–1938/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://www. sudact. ru/ (дата обращения: 10.12.2020).

[12] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2021. № 20. ст. 2.

УДК 347.9

мента, если рассматривать данный момент с правовой точки зрения, ничем не отличается от подписания бумажного документа «своей рукой»[13].

Однако, говоря об электронных (цифровых) доказательствах, необходимо все же иметь в виду, что это не только электронные документы, а все иные доказательства, которые могут быть представлены в электронной форме. Так, другие ученые помимо электронных документов, которые подписаны электронной подписью, выделяют также иные, не подписанные такой подписью, электронные доказательства — электронные письма и сообщения.

Электронные письма и сообщения, или электронные переписки, являются весьма распространенной формой выражения письменных доказательств. Определения «электронного письма» законодательством не установлено, однако п. 10 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дает определение «электронного сообщения». Так, последнее представляет собой некую информацию, которая передана или же получена пользователем информационно-телекоммуникационной сети. Приказ Казначейства России N 287 также устанавливает, что электронным письмом, или электронным сообщением, является «документ информационно-справочного характера, передаваемый и получаемый по электронной почте»[14]. Посредством электронной переписки участники процесса доказывают назначение имеющих роль для конкретного дела сообщений.

Можно сказать, что электронные письма и сообщения имеют немаловажное значение в процессе доказывания в суде. Стороны могут ссылаться на них и предъявлять их при наличии такового. И суду в данном случае следует принимать во внимание помимо прочего и доказательства в виде электронной переписки.

Так, Анадырский городской суд в Решении по делу № 2–38/2020 от 29 мая 2020 года в ходе рассмотрения дела о признании утратившей право пользования жилым помещением помимо прочего рассматривал в качестве доказательства электронную переписку между истцом и ответчиком, что послужило ключевым моментом в разрешении данного дела[15].

Однако, говоря об электронном письме или сообщении как доказательствах, необходимо все же обращать внимание на достоверность такой переписки, так как суд, рассматривая его в качестве доказательства, может усомниться в подлинности электронной переписки. Что это значит? А то, что существует вероятность отправления данного письма или сообщения третьим лицом. Так, как указывает Боннер А. Т., любое лицо, воспользовавшись чужим электронным адресом, может отправить письмо по электронной почте[16]. И в подобной ситуации могут возникнуть проблемы с установлением достоверности указанного электронного доказательства.

Перед тем, как представить в суд в качестве доказательства электронную переписку с указанным лицом, необходимо придать ей юридическую силу. Это можно сделать, в частности, путем подтверждения их истинности судебной экспертизой или же нотариального удостоверения. Также следует учитывать, что эта переписка должна вестись с указанных в реквизитах сторон электронных адресов.

В случае же если электронное сообщение заверено электронной подписью, то,

---

[13] *Боннер А. Т.* Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 27.

[14] Приказ Казначейства России от 03.11.2010 № 287 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в центральном аппарате Федерального казначейства». URL: https://base. garant. ru/12182661/ (дата обращения: 10.12.2020).

[15] Решение Анадырского городского суда от 29 мая 2020 г. по делу № 2–38/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://www. sudact. ru/ (дата обращения: 10.12.2020).

[16] *Боннер А. Т.* Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. С. 478.

как указывает вышеназванный Приказ, оно именуется электронным документом (Приказ Казначейства России от 03.11.2010 № 287).

Говоря о правовой природе электронных доказательств, можно заметить, что ведутся множество дискуссий касательно отнесения электронных доказательства к тем или иным видам доказательств. Одни авторы относят электронные доказательства к разновидности письменных, в связи с прямым указанием на это в законе. Так, в правовой литературе высказывались предложения касательно переименования письменных доказательств в «документальные доказательства»[17].

Другая же точка зрения говорит об относимости электронных доказательств или к письменным — когда сведения о фактах содержат в себе человеческую мысль, или же к вещественным — в том случае, если, как отмечал Вершинин А. П., используется «фотоснимок либо иное отражение реальной действительности, которое не содержит мысль»[18].

Третьи же авторы говорят о возможности выделения электронных доказательств в качестве самостоятельных средств доказывания ввиду специфических характеристик самого носителя информации, представленного в электронной форме, однако, так как форма, в которой получена данная информация, остается прежней (письменные знаки, к примеру), таким образом сохраненные в цифровой форме данные следует относить к вещественным, письменным доказательствам либо же к аудио- или видеозаписи[19].

В настоящее время все больше делается акцент на выделении электронных доказательств в качестве самостоятельных средств доказывания. Так, Нахова Е. А. выделяет иную правовую природу электронных доказательств, при которой о достоверности таких доказательств можно говорить по возможности «идентификации автора, от которого исходит электронное доказательство»[20]. Но исходя из действующего законодательства, все же следует говорить об отнесении электронных доказательств к разновидности письменных.

Однако на современном этапе российской правовой действительности законодательное регулирование в области регламентирования электронных доказательств претерпевает ряд недостатков. В частности, должным образом не урегулированы требования к такого рода доказательствам, их форме, не дано четкого определения самого понятия «электронных доказательств», нет точного указания, «к чему точно, как и почему» они относятся. Нет, как ранее было отмечено, единого нормативного правового акта, который регулировал бы данную сферу. Это все подчеркивает пробелы законодателя касательно регулирования сферы электронных доказательств.

Исходя из написанного, можно сделать вывод о том, что нынешнее законодательство в области регламентации норм об электронных доказательствах требует основательного урегулирования, поскольку использование таких доказательств на современном этапе жизни общества является перспективным направлением в сфере доказывания и доказательств. Не остается и сомнений, что с течением времени электронные доказательства станут одним из наиболее часто используемых средств доказывания, поскольку с каждым днем совершенствуются инновационные технологии, развивается наука, в связи с чем можно даже говорить о выделении в будущем их в качестве отдельного самостоятельного вида доказательств в гражданском судопроизводстве.

---

[17] *Митрофанова М. А.* Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе. Саратов, 2013. С. 4, 14–15.

[18] *Вершинин А. П.* Электронный документ: правовая природа и доказательства в суде. М., 2000. С. 106.

[19] *Ворожбит С. П.* Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. СПб., 2011. С. 7–8.

[20] *Нахова Е. А.* Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 310.

УДК 347.9

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Дорохов М. А.
студент 3 курса РГУП

Одним из ключевых требований к реализации лицами, участвующими в деле, принадлежащих им процессуальных прав и исполнению ими возложенных на них процессуальных обязанностей, является добросовестность использования процессуальных прав, нормативно закреплённая в ч. 1 ст. 35 ГПК РФ. Из необходимости добросовестной реализации принадлежащих лицам, участвующим в деле, процессуальных прав, следует запрет злоупотребления процессуальными правами. Как справедливо отмечают исследователи, запрет злоупотребления процессуальными правами проистекает из принципа уважения прав и свобод других лиц, нормативно закрепленного в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации[1]. В науке гражданского процессуального права злоупотребление процессуальными правами рассматривается как один из видов процессуального правонарушения. Так, Е. В. Чулкова относит злоупотребление процессуальным правом к виду процессуального правонарушения, указывая на то, что оно представляет собой виновное, общественно опасное, противоправное деяние[2]. А. В. Юдин также называет злоупотребление процессуальными правами «особой формой гражданского процессуального правонарушения[3]». Между тем, рядом учёных-процессуалистов оспаривается допустимость употребления категории «злоупотребление правом» применительно к процессуальным правоотношениям.

Злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе становилось объектом исследования учёных-процессуалистов дореволюционного периода. Рассматриваемое понятие было введено в науку гражданского процесса Е. В. Васьковским. Другие учёные называли данное явление иначе, зачастую фактически рассматривая лишь один или несколько аспектов злоупотребления процессуальными правами.

Е. В. Васьковский понимал под злоупотреблением процессуальными правами «осуществление их [процессуальных прав] тяжущимися для достижения целей, несогласных с целью процесса — правильным и скорым разрешением дел»[4]. Он же выделил ряд существенных признаков злоупотребления процессуальными правами. Во-первых, Е. В. Васьковский указывал, что злоупотребление процессуальными правами может быть совершено только умышленно. Во-вторых, Е. В. Васьковский описал сущность злоупотребления процессуальным правом как выход стороны «за пределы действитель-

---

[1] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л. В. Тумановой. М., 2020. С. 79.

[2] *Чулкова Е. В.* Соотношение процессуального правонарушения со смежными правовыми категориями // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 9. С. 3–6.

[3] *Юдин А. В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 10.

[4] *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 2016. С. 611.

ного содержания своего права». В-третьих, было отмечено, что в отличие от злоупотребления материальным правом, посягающим, главным образом, на частные интересы, злоупотребление процессуальным правом имеет публично-правовой характер. Е. В. Васьковский считал неверным описывать злоупотребление процессуальным правом, экстраполируя материально-правовой принцип добросовестности на процессуальные правоотношения. В упомянутой работе Е. В. Васьковский также описывал ряд примеров злоупотреблений процессуальными правами, возможных в ходе доказывания, при установлении фактических обстоятельств дела: сообщение суду заведомо ложных сведений об обстоятельствах рассматриваемого дела, предоставление «фальшивых доказательств», «извращение» обстоятельств дела. В качестве примера злоупотребления процессуальными правами при установлении фактических обстоятельств дела приводилась и ситуация, в которой стороны «сбивают суд юридическими и логическими софизмами»[5].

Следует отметить, что подходы дореволюционных российских учёных-процессуалистов к определению правовой природы злоупотребления процессуальными правами различались. В частности, не все разделяли точку зрения Е. В. Васьковского о неприменении категорий «добросовестность/недобросовестность» к злоупотреблению процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. К примеру, изучая рассматриваемое явление, Александр Николаевич Гедда называет его «недобросовестностью сторон в гражданском процессе»[6]. В качестве одного из примеров недобросовестного поведения в ходе доказывания он приводит ситуацию, при которой сторона понуждает своими действиями противную сторону доказывать обстоятельства, достоверно известные первой стороне, чем затягивает рассмотрение дела.

В советский период были систематизированы научные знания о злоупотреблении процессуальными правами в ходе доказывания. Как в работах дореволюционного периода, так и в научных трудах Советского времени, злоупотребление процессуальными правами иногда именуется «процессуальной шиканой[7]». К. С. Юдельсон определял злоупотребление процессуальными правами как «осуществление их [процессуальных прав] сторонами для достижения целей, не согласных с задачей процесса — правильным и скорым разрешением дела»[8]. Советская доктрина поддержала идею о различной правовой природе злоупотребления правом в материальном и процессуальном праве. Подчёркивалось, что злоупотребление процессуальными правами, особенно процессуальными правами, связанными с доказыванием «имеет целью добиться для себя благоприятного судебного решения — наперекор материальной правде, или воспрепятствовать вынесению истинного, справедливого решения»[9].

В гражданском процессуальном законодательстве союзных республик выделялись отдельные виды злоупотреблений процессуальными правами в ходе доказывания. Так, в ст. 46-а ГПК Азербайджанской ССР предусматривалась процессуальная санкция в виде возложения обязанности уплаты вознаграждения за утрату рабочего времени за уклонения от дачи объяснений и предоставления требуемых документов по делу; в ст. 59 ГПК Туркменской ССР в качестве примера злоупотребления процессуальными правами поименовано представление новых доказательств после начала рассмотрения дела с целью затягивания судебного разбирательства[10].

---

[5] Там же. С. 605.

[6] *Гедда А. Н.* Недобросовестность сторон в гражданском процессе (заметки из судебной практики) // Журн. Мин. Юст. 1910. № 1. С. 8.

[7] *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР (отделение экономики и права). 1946. № 6. С. 436.

[8] *Юдельсон К. С.* Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 2005. С. 424.

[9] Там же. С. 424.

[10] *Юдельсон К. С.* Указ. соч. С. 426–427.

УДК 347.9

Злоупотребление процессуальными правами необходимо рассматривать как неисполнение лицами, участвующими в деле, закреплённой в ч. 1 ст. 35 ГПК РФ обязанности добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами и обязанностями, что полностью согласуется с представлением о злоупотреблении процессуальными правами как о разновидности процессуального правонарушения. Запрет злоупотребления процессуальными правами напрямую вытекает из обязанности лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами.

Таким образом, существующие на сегодняшний день доктринальные точки зрения позволяют сформулировать следующее определение: злоупотребление процессуальными правами в ходе доказывания — это процессуальное правонарушение, совершённое, состоящее в использовании принадлежащих процессуальных прав, связанных с доказыванием, вопреки их действительному назначению, придаваемому им смыслом закона, и в нарушение установленной процессуальным законодательством обязанности добросовестного использования процессуальных прав. Как справедливо отмечено рядом учёных, при определении наличия или отсутствия злоупотребления процессуальными правами «действительное назначение» данных прав, придаваемое им смыслом закона, надлежит определять исходя из задач гражданского судопроизводства, указанных в ст. 2 ГПК РФ[11]. Злоупотребление процессуальными правами необходимо отличать от неисполнения лицами, участвующими в деле, процессуальной обязанности доказывания, возложенной на них ч. 1 ст. 56 ГПК РФ или специальной нормой. Так, уклонение от представления доказательств, на наш взгляд, нельзя считать разновидностью злоупотреблении процессуальными правами, поскольку в данной ситуации уклоняющиеся лица не могут ссылаться, пусть даже формально, на какое-либо процессуальное право, закреплённое в ч. 1 ст. 35 ГПК РФ или в специальной норме.

Субъектами злоупотребления процессуальными правами в ходе доказывания как процессуального правонарушения являются лица, участвующие в деле (стороны, третьи лица), а также их представители (ч. 1 ст. 54 ГПК РФ).

Признаком злоупотребления процессуальными правами в ходе доказывания как процессуального правонарушения является наличие процессуальной санкции за его совершение, т. е. определённых неблагоприятных последствий процессуального характера в связи с противоправным поведением, в рассматриваемом случае — в связи со злоупотреблением процессуальными правами.

Самым распространённым случаем злоупотребления правом на представление доказательств является представление доказательств в суде апелляционной инстанции при установлении возможности лица предоставить соответствующие доказательства в суд первой инстанции. Данный вид злоупотребления процессуальным правом при доказывании был упомянут в абз. 6 п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2012 №13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции[12]» (в настоящее время утратило силу). В новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 г. №16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» данное разъяснение было представлено практически в неизменном виде: «дополнительные (но-

[11] Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л. В. Тумановой. С. 79.

[12] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2012 №13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

вые) доказательства не могут быть приняты судом апелляционной инстанции, если будет установлено, что лицо, ссылающееся на них, не представило эти доказательства в суд первой инстанции, поскольку вело себя недобросовестно или злоупотребляло своими процессуальными правами» (п. 42)[13]. На наш взгляд, формулировка, содержавшаяся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ (2012): «вели себя недобросовестно и злоупотребляли своими процессуальными правами» является более удачной с теоретической точки зрения, т. к., как было отмечено выше, злоупотребляя процессуальными правами, лицо, участвующее в деле, либо его представитель не исполняет обязанность добросовестно пользоваться всеми принадлежащими ему процессуальными правами и обязанностями, иными словами, злоупотребляя процессуальными правами, лицо, участвующее в деле, всегда демонстрирует недобросовестное поведение. В процессуальном законодательстве и судебной практике выработан комплекс мер для борьбы с данным видом злоупотребления процессуальным правом при доказывании: во-первых, в силу ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ на лицо, представляющее дополнительные доказательства в суд апелляционной инстанции, возлагается обязанность доказать невозможность предоставления данных доказательств в суд первой инстанции, а на суд апелляционной инстанции — обязанность признать соответствующие причины уважительными либо неуважительными, о чём вынести определение. Фактически, при вынесении соответствующего определения суд апелляционной инстанции должен установить, действует ли лицо, представляющее новые доказательства, добросовестно и, соответственно, нет ли в его действиях признаков злоупотребления правом представлять доказательства. Неисполнение соответствующей обязанности судом может повлечь признание незаконным и отмену судебного постановления суда. Так, Верховный Суд РФ, отменяя апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Чувашской Республики от 01.03.2017 г., указал, что судом апелляционной инстанции допущено существенное нарушение норм процессуального права, выразившееся в принятии судом апелляционной инстанции доказательства, которое не представлено ответчиком в суд первой инстанции, не существовало на момент вынесения решения судом первой инстанции и не отражено ответчиком в апелляционной жалобе (что в совокупности указывает на злоупотребление ответчиком правом представлять доказательства), без обсуждения вопроса о причинах непредоставления нового доказательства ответчиком в суд первой инстанции[14].

Злоупотребление правом возможно и при заявлении ходатайств, связанных с истребованием, приобщением новых доказательств. Так, судебная коллегия Санкт-Петербургского городского суда в апелляционном определении от 25.01.2017 по делу №33–92/2017 квалифицировала как злоупотребление процессуальными правами троекратное заявление представителем ответчика одного и того же ходатайства о приобщении к материалам дела одного и того же доказательства[15]. Данное обстоятельство стало одним из оснований для отказа в удовлетворении апелляционной жалобы ответчика и для оставления без изменения решения суда первой инстанции об удовлетворении исковых требований.

---

[13] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 г. №16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

[14] Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2018 г. №31-КГ17–9. URL: http://vsrf. ru/stor_pdf. php?id=1617534 (дата обращения: 18.12.2021).

[15] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 25.01.2017 по делу №33–92/2017. URL: https://sankt-peterburgsky--spb. sudrf. ru/modules. php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=39201149&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 18.12.2021).

УДК 347.9

ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Свистов А. А.
магистр частного права
юрист ООО «Юридическая компания «Митра»

Злоупотребление правами представляет собой достаточно распространенное явление в арбитражном процессе. Актуальность данной темы невозможно переоценить, потому что с этим явлением может столкнуться каждый участник арбитражного процесса, в то же время суду необходимо выявлять и пресекать действия злоупотребляющей правами стороны, тем самым защищая добросовестного участника спора.

В ретроспективе в западной традиции злоупотребление правами давно известное явление, которое пытались раскрыть римские юристы через призму римского права, но проблема злоупотребления правом в период Римской империи обсуждалась не на обобщенном уровне, а при решении конкретных жизненных ситуационных споров. Римское право еще не знало самого понятия злоупотребления правом и не сформулировало недозволенность злоупотребления правом в качестве общего принципа права, Запрет на злоупотребление правами в качестве общего принципа впервые был закреплен во французской Декларации прав человека и гражданина от 1789 г [1].

В истории русского права злоупотребление процессуальными правами было известно давно. Так, в судебном процессе XV века уже существовала проблема затягивания судебного процесса, которое можно отнести к злоупотреблению процессуальными правами.

Только в процессуальном законодательстве СССР уже более детально регулируются вопросы недопустимости злоупотребления процессуальными правами в судебном процессе. Буквальное толкование ст. 6 ГПК РСФСР (1923) позволяет вывести дефиницию злоупотребления процессуальными правами, под которым законодатель предложил понимать «действия, имеющие целью затянуть или затемнить процесс»[2]. В советский период каких-либо иных норм, касающихся злоупотреблением процессуальными правами, принято не было.

В современном российском арбитражном процессе установлена обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться своими процессуальными правами закреплена в ч. 2 ст. 41 АПК РФ. При этом легального понятия «злоупотребление процессуальными правами» действующее АПК РФ не содержит, что представляет собой проблему.

Несмотря на то, что понятие «злоупотребление правом» законодательно не определено, но оно тесно связано с таким понятием как «добросовестность», то понятие «злоупотребление» можно сформулировать через понятие «добросовестности», которое закреплено в ст. 10 ГК РФ. Указанной нормой закреплен принцип недопустимости злоупотребления правом, значение которого в том, что каждый субъект гражданских прав волен свободно осуществлять права

[1] *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 29.
[2] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (с изм. и доп. на 15 августа 1925 г.). М., 1925. С. 41.

в своих интересах, но не должен при этом нарушать права и интересы других лиц. В свою очередь злоупотребление правом — форма заведомо недобросовестного поведения участников гражданских правоотношений. Более того, согласно ст. 4 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения[3].

Содержание недобросовестного поведения можно раскрыть следующим образом: субъект, действуя в рамках закона, формально не нарушает его, но содержательно происходит нарушение требований принципа добросовестности. В свою очередь принцип добросовестности в простом изложении можно раскрыть следующим образом: предполагаемые (в сложившихся условиях гражданского оборота) действия (бездействия) конкретного лица в гражданских правоотношениях, которые характеризуются абстрактностью, разумностью, честностью и с уважением относящийся к правам других лиц.

Обобщая вышесказанное, можно сформулировать следующее определение злоупотребления арбитражными процессуальными правами — действие (бездействие) участника арбитражного процесса, связанное с умышленным использованием допустимых законом процессуальных средств, с целью извлечения собственной корыстной выгоды, либо причинения вреда другим участникам процесса, формально не нарушающим нормы процессуального законодательства, но не соответствующее требованиям добросовестности, что несовместимо с целями и задачами арбитражного судопроизводства и приводит к нарушению прав других участников арбитражного процесса.

Теперь поговорим о некоторых способах злоупотребления арбитражными процессуальными правами, которые встречаются в судебной практике. В качестве примеров недобросовестных действий сторон можно назвать:

- поочередное заявление ходатайств непосредственно в судебных заседаниях, направленных на приостановление или на отложение судебного разбирательства, без приложения доказательств[4], либо неоднократная подача заявлений и аналогичных ходатайств, уже ранее приобщенных к материалам дела и рассмотренных судом[5].
- заявление ходатайства об оставлении иска без рассмотрения спустя значительный промежуток времени после его предъявления. Верховный Суд РФ в определении 26.12.2016 № А68-9008/2015 указал, поскольку с учетом установленных по делу обстоятельств суды верно пришли к выводу о том, что ответчик допустил злоупотребление процессуальными правами, заявив ходатайство об оставлении иска без рассмотрения на основании несоблюдения истцом установленного условиями договора обязательного досудебного порядка урегулирования спора, более чем через год с момента предъявления истцом иска, и признал действия ответчика направленными на затягивание судебного процесса[6].
- неоднократное, необоснованное и бездоказательное заявление отвода судье. Высший Арбитражный Суд РФ (ВАС РФ) в своем определении от 21.12.2012 по делу № А24-3348/2011, указал если сторона по делу необоснованно и без-

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Российская газета. 2019. № 286.

[4] Определение ВС РФ от 23.07.2015 по делу № А55-12366/2012. URL: http://kad. arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

[5] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 31.03.2016 № 10АП-3651/2016 по делу № А41-1375/16. URL: http://kad. arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

[6] Определение ВС РФ от 26.12.2016 № 310-ЭС16–17806 по делу № А68-9008/2015. URL: http://kad. arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

УДК 347.9

доказательно заявляет отвод судье, то суд расценивает такие действия как злоупотребление заявителем своими процессуальными правами, направленными на затягивание процесса и подрыв авторитета правосудия, проявление неуважения к суду, что препятствует осуществлению правосудия[7].

- представление пояснений и доказательств, которые без уважительной причины не были заблаговременно раскрыты перед участниками процесса и не были направлены в суд. Данная позиция отражена в п. 16 Постановление ВАС РФ № 65 «О подготовке дела к судебному заседанию» от 25.12.2006 г. и применена в Постановлении Арбитражного суда (АС) Московского округа от 16.12.2016 по делу № А40-14464/2016, который указал[8], что непредставление или несвоевременное представление доказательств по неуважительным причинам, направленное на затягивание процесса, может расцениваться арбитражным судом как злоупотребление процессуальными правами [9].
- неоднократная неявка надлежаще извещенных сторон[10].
- уклонение от исполнения обязанности по уплате государственной пошлины в установленном порядке и намеренное указание в просительной части задолженности, не соответствующей фактической. В Постановлении АС Московского округа от 12.11.2015 по делу № А40-190687/14 суд указал, что если истец изначально представляет намеренно неточный расчет суммы иска и иск принят судом в порядке упрощенного производства, но истец увеличил сумму иска, в связи с чем суд вынужден перейти к рассмотрению дела по общим правилам искового производства и такие действия привели к затягиванию процесса, то это свидетельствует об очевидных признаках злоупотребления правом, выраженных в уклонении от исполнения обязанности по уплате государственной пошлины[11].
- несвоевременное заявление ходатайств. В постановлении Четвертого ААС от 14 мая 2013 г. по делу № А78-3944/2012 суд указал, что если у стороны имелась реальная возможность своевременного обращения с ходатайством, то заявление о ходатайстве после стадии реплик суд расценивает как злоупотребление процессуальными правами, направленное на умышленное затягивание процесса[12].
- нарушение сроков предоставления документов, имеющих значение по делу. В Определении АС Красноярской области по делу № А33-34878/2017 суд указал, что систематическое нарушение сроков представления доказательств в материалы дела (за день до даты судебного заседания), что препятствует всестороннему рассмотрению дела, нарушает права иных лиц участвующих в деле на своевременное получение полной и достоверной ин-

[7] Определение ВАС РФ от 21.12.2012 по делу № А24-3348/2011. URL: http://kad. arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

[8] Постановление Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // Официальный сайт ВАС РФ. URL: http://www. arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

[9] Постановление АС Московского округа от 16.12.2016 по делу № А40-14464/2016. URL: http://kad. arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

[10] Постановление АС Поволжского округа от 15.06.2004 по делу № А06-1427-14/2003. URL: http://kad. arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

[11] Постановление АС Московского округа от 12.11.2015 № Ф05-15283/2015 по делу № А40-190687/14. URL: http://kad. arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

[12] Постановление Четвертого ААС от 14 мая 2013 г. по делу № А78-3944/2012. URL: http://kad. arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

формации, является злоупотреблением правами[13].

- иные способы злоупотребления процессуальными правами.

Как видно из судебной практики, суды признают самые различные действия, целью которых является затягивание судебного процесса, злоупотреблением процессуальными правами. И в каждом случае судам необходимо подходить содержательно, основываясь не только на «букве» закона, но и исходя из «духа» закона.

Конечно же, для участника процесса его недобросовестное поведение не проходит без правовых последствий. В связи с этим законодательством предусмотрены санкции, применяемые к участникам процесса, которые злоупотребляют своими процессуальными правами и не выполняют свои процессуальные обязанности. Согласно ст. 111 АПК РФ, суд вправе отнести все судебные расходы по делу на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами или не выполняющее своих процессуальных обязанностей, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта. Например, применение ст. 111 АПК нашло отражение в определении АС Тульской области по делу № А68-1125/2015, в котором суд указал, что отказывает ответчику во взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя в связи с неисполнением определения суда в части непредоставления письменного отзыва на исковое заявление. Суд признал такое бездействие как недобросовестное отношение к обязанностям, предусмотренным ч. 3 ст. 41 АПК РФ, способствующее затягиванию процессуальных сроков рассмотрения дела, а также как проявление неуважительного отношения к распоряжениям суда и воспрепятствование осуществлению правосудия[14].

Еще одной санкцией имущественного характера является штраф, предусмотренной гл. 11 АПК РФ. Институт судебных штрафов служит обеспечению выполнения задач судопроизводства в арбитражных судах и направлен на укрепление законности, предупреждение процессуальных правонарушений, а также на формирование уважительного отношения к закону и суду. Данная позиция отражена в определении АС Красноярской области по делу № А33-34878/2017. Суд указал, что злоупотребление процессуальными правами представляет собой форму проявления неуважения к суду и поэтому в случае неисполнения обязанности представить истребуемое судом доказательство по причинам, признанным арбитражным судом неуважительными, либо не извещения суда о невозможности представления доказательства вообще или в установленный срок на лицо, от которого истребуется доказательство, судом налагается судебный штраф[15].

Таким образом, недобросовестному участнику процесса грозят последствия как материального характера (возложение на него всех судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела), так и риск того, что тот процессуальный результат, к которому стремится участвующее в деле лицо, не будет достигнут (отказ в удовлетворении ходатайств и заявлений, то есть неблагоприятные последствия как материального, так и процессуального характера).

В завершение хочется отметить, что широкие процессуальные возможности участников дела, предусмотренные процессуальным законодательством, зачастую порождают различные разнообразные формы злоупотреблений, нарушающих права и интересы других

[13] Определение от 21.01.2019 года АС Красноярской области по делу № А33-34878/2017. URL: http://kad.arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

[14] Определение от 28.10.2015 года АС Тульской области по делу № А68-1125/2015. URL: http://kad. arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

[15] Определение от 23.01.2019 года АС Красноярской области по делу № А33-34878/2017. URL: http://kad.arbitr. ru/ (дата обращения: 07.03.2021).

УДК 347.9

лиц, в результате чего возможность эффективного рассмотрения дела в разумный срок оказывается под угрозой. Злоупотребления процессуальными правами наносит ущерб интересам правосудия, так как такие действия могут производить впечатление правомерных, которые формально не нарушают прямых законодательных запретов. Недобросовестное лицо формально остается в рамках правового поля, его действия не нарушают правовые запреты, а маскируются под юридической формой, что потенциально делает их более опасными, чем явное нарушение правовых норм.

А. Ф. КОНИ О НРАВСТВЕННОМ АСПЕКТЕ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Федоров С. Д.
Раков Б. О.
студенты 1 курса РГУП

Тема нашей статьи — «Анатолий Федорович Кони о нравственном аспекте в судебной деятельности» — несомненно, вызывает живой и непосредственный интерес у всех, кто так или иначе связан с изучением права. Мы бы хотели проанализировать нравственный и тесно связанный с ним речевой аспект в судебной деятельности этого выдающегося судебного оратора, а также влияние внутренних нравственных установок на участников судебного процесса.

А. Ф. Кони по праву считается одним из выдающихся судебных деятелей в отечественной истории. Русскому обществу он известен не только своей юридической, но и писательской деятельностью. Также он являлся талантливым судебным оратором. Переполненные залы судебных заседаний по делам, которые рассматривались с его участием, стечение многочисленной публики, привлеченной его блестящими речами, быстро разошедшийся в двух изданиях сборник его судебных речей — всё это служит тому подтверждением.

Анатолий Фёдорович Кони родился 28 января 1844 г. в Петербурге в семье литератора и преподавателя Федора Александровича Кони и актрисы Ирины Семеновны Юрьевой. Учился в немецком училище святой Анны и во второй Санкт-Петербургской гимназии; поступил в 1861 г. в Санкт-Петербургский университет по математическому отделению; в 1862 г. перешел на юридический факультет Московского университета, где и кончил курс со степенью кандидата права. По окончании университета, в 1865 г., Кони поступил на временную службу счетным чиновником в Государственный контроль, затем был переведен в военное ведомство, где состоял при Главном штабе для юридических работ. Но судебная деятельность тянула его, и уже в 1866 г. он переводится в Санкт-Петербургскую судебную палату на должность помощника секретаря по уголовному департаменту с зарплатой почти вдвое меньшей, чем в Главном штабе. А дальше была служба в Харькове, Самаре, Казани — и снова Петербург, блестящая карьера, должность обер-прокурора, а затем и сенатора. Кони оставил свой неизгладимый след в деле Веры Засулич, в деле о крушении императорского поезда, о гибели парохода «Владимир», о мултанском жертвоприношении…

Кони по праву считается также основателем судебной этики. Взгляды его по этому вопросу изложены в статье «Нравственные начала в уголовном процессе».

Этика — наука о морали и нравственности — представляет собой специфический социальный регулятор и, соответственно, не может существовать вне общества и социальных взаимодействий. Без общества не может существовать и речь — исторически сложившаяся форма общения людей посредством языковых конструкций, создаваемых на основе определенных правил. И морально-нравственные принципы, и речевое взаимодействие — это продукты деятельности общества, без него их существование просто невозможно. Кроме того, моральные установки и черты личности могут оказывать существенное влияние на его речь, и наоборот, речевое поведение человека оказывает влияние и на восприятие его морального облика.

Если говорить применительно к судопроизводству, то прежде всего стоит коснуться нравственных черт участников судебного процесса, чтобы понять, как личность вли-

УДК 347.9

яет на речевое поведение, как речь служит средством воплощения нравственных установок в жизнь.

Рассмотрим нравственный аспект в деятельности различных участников судебного процесса.

Судья — центральная фигура судебного процесса, в некотором смысле символ всей судебной системы государства. Судья олицетворяет суд, отвечает за законность, обоснованность и справедливость решений и приговоров. Это также лицо, которое несёт ответственность за степень доверия народа к суду. Понимая эту правовую и нравственную ответственность, Кони уделяет очень большое внимание описанию поведения судьи.

Вынесение законного решения или справедливого приговора — это однозначно профессиональный долг судьи. Но ведь это, по мысли Кони, долг не только правовой, но и нравственный. Государство смотрит на судью как на средство выполнения функции, связанной с поддержанием общественного порядка. Государство ждёт от судьи обдуманного и справедливого решения, «а не мимолетного мнения, внушенного порывом чувства или предвзятым взглядом»[1]. Поэтому судья не имеет права (в том числе нравственного) говорить «*sic volo, sic jubeo*» (я так хочу)[2]. «*Ich kann nicht anders*!» (я не могу иначе)[3] — вот как должен говорить судья. Последняя фраза означает, что «и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона»[4] подсказывают судье, что при вынесении решения или приговора по данному делу никакой иной вердикт невозможен. Итак, как говорил Кони, «напряжение душевных сил судьи для отыскания истины в деле есть исполнение поручения государства, которое, уповая на спокойное беспристрастие его тяжёлого подчас труда, вверяет ему частицу своей власти»[5].

Конечно же, вынося решение или приговор по делу, судья может ошибаться; «но если он хочет быть действительно судьёю, а не представителем произвола в ту или другую сторону, он должен основывать своё решение на том, что в данное время ему представляется логически неизбежным и нравственно-обязательным»[6]. При этом суд основывается на букве закона, судья не может нарушить действующее законодательство, ведь его «внутреннее убеждение, не стеснённое обязательными правилами или формальными указаниями, не может, однако, обеспечить справедливости решений»[7]. Нравственность судьи, по убеждению А. Ф. Кони, выражается, прежде всего, в уважении к человеческому достоинству[8].

А. Ф. Кони писал: «Правосудие не может быть отрешено от справедливости»[9] и стремился к тому, чтобы в правосудие «вносился вкус, чувство меры и такт, ибо суд есть не только судилище, но и школа»[10].

При этом Кони считал необходимым для судьи бережное отношение к слову: «Слово — одно из величайших орудий человека. Бессильное само по себе, оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренне и вовремя»[11].

Конечно, для того чтобы прийти в конце концов к истине и поспособствовать справедливому исходу дела, судья обязательно должен иметь высокий уровень культуры речи, он должен владеть ораторским искусством. В то же время, по мнению Кони, речь

[1] *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы. М., 2020. С. 10.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Правовые воззрения А. Ф. Кони. Собр. соч. в 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 2.
[9] Там же. С. 39.
[10] Там же. С. 2.
[11] *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. С. 27.

судьи не должна быть сложной и заумной, она должна быть понятна всем присутствующим в суде: «В стремлении к истине всегда самые глубокие мысли сливаются с простейшим словом»[12].

Таким образом, на основании рассмотренных и изученных нами работ Кони можно выделить три основных слагаемых успешной судейской деятельности: доскональное знание действующего законодательства, высокий уровень нравственности и высокий уровень речевой культуры.

Теперь рассмотрим поведение следующего участника судебного процесса — адвоката. Безусловно, он, как и все юристы, должен хорошо знать законы и иные нормативно-правовые акты, ориентироваться в них, так как это необходимо для выстраивания юридически правильной линии защиты. Но нравственность адвоката, его моральные принципы важны не меньше. Кони утверждал, что в процессе своей деятельности адвокат не должен утрачивать человеческие качества. «Адвокат не слуга своего клиента и не пособник ему в стремлении уйти от заслуженной кары правосудия. Он друг, он советник человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен вовсе или вовсе не так и не в том виновен, как и в чем его обвиняют»[13]; «для защитника нет чистых и грязных, правых и неправых дел, а есть лишь даваемый обвинением повод противопоставить доводам прокурора всю силу и тонкость своей диалектики, служа ближайшим интересам клиента и не заглядывая на далекий горизонт общественного блага»[14]. Кони отмечает, что преступление не меняет того факта, что обвиняемый в первую очередь является человеком: «…нет такого падшего и преступного человека, в котором безвозвратно был бы затемнен человеческий образ и по отношению к которому не было бы места слову снисхождения»[15].

Адвокатуру можно рассматривать как своеобразный жанр творчества и искусства, причём на первом месте здесь стоит именно ораторское искусство. Кони отмечал, что для достижения умения говорить публично необходимо выполнение трёх требований: «Нужно знать предмет, о котором говоришь; нужно знать свой родной язык и уметь пользоваться его гибкостью, богатством и своеобразными оборотами; нужно не лгать, ложь отнимает у публичной речи её силу и убедительность»[16]. Естественно, речь адвоката должна отличаться совершенством всех восьми коммуникативных качеств речи: правильности, точности, уместности, доступности, богатства, логичности, чистоты и выразительности. Ведь от того, насколько речь адвоката соответствует уровню её коммуникативного совершенства, насколько эта речь ясна, содержательна и убедительна в силу своей аргументированности, зависит, дойдёт или не дойдёт до суда убеждение в невиновности человека.

Хочется особо отметить, что речь адвоката, по мысли Кони, должна быть простой, не перенасыщенной большим количеством сложных юридических терминов, и здесь, как нам кажется, появляется связь речевого аспекта с нравственным (не проявлять неуважительного отношения к тем участникам процесса, которые не являются юристами). «…В стремлении к тому, что кажется правым, — подчеркивал Кони, — глубочайшая мысль должна сливаться с простейшим словом,… надо говорить всё, что нужно, и только что нужно, и научиться, что лучше ничего не сказать, чем сказать ничего»[17].

Описанию деятельности прокурора Кони в своих работах («Нравственные начала в уголовном процессе», «Приемы и задачи прокуратуры») уделяет достаточно большое внимание. Он часто называет прокурора — государственного обвинителя — «публично

[12] Там же.
[13] *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. С. 30.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же. С. 87.
[17] *Кони А. Ф.* Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля). Пг., 1923. С. 7.

УДК 347.9

говорящим судьей»[18]. Эта крылатая фраза раскрывает судейскую объективность и беспристрастность, которые должны быть присущи прокурору.

Естественно, прокурор должен обладать совокупностью положительных нравственных качеств, чтобы правильно вести себя в суде, он должен с уважением относиться ко всем остальным участникам судебного процесса. По мнению Кони, исходя из нравственных позиций, прокурор, как представитель государственного обвинения, не должен браться за дело, если изначально считает подозреваемого невиновным или если осознаёт, что не сможет должным образом представить государственное обвинение[19].

Особого такта требовал Кони от прокурора в отношении к своему процессуальному противнику — защитнику. Он выступал против каких бы то ни было выпадов и личных оскорблений защитника, против обобщения отдельных недостатков адвокатуры и огульного охаивания ее деятельности. «Было бы, однако, в высшей степени несправедливо, — писал А. Ф. Кони, — обобщать эти случаи и поддерживать на основании такого обобщения неблагоприятный и нередко даже враждебный взгляд на такую необходимую жизненную принадлежность состязательного процесса, как защита»[20].

В известной работе «Приемы и задачи прокуратуры» Кони показывает не только то, что вправе и обязан делать прокурор, но и то, как он должен это делать. Здесь он прежде всего обращает внимание на трудности, связанные с деятельностью обвинителя «в обстановке публичного столкновения и обмена убежденных взглядов, а не в тиши присутствия»[21]. По этому поводу Кони говорил: «Я, никогда не писавший речей предварительно, позволю себе в качестве старого судебного деятеля сказать молодым деятелям: не пишите речей заранее, не тратьте времени, не полагайтесь на помощь этих сочинённых в тишине кабинета строк»[22]. Кони советует прокурорам никогда не писать заранее обвинительные речи, так как очень много подробностей, фактов, доказательств, кардинально меняющих ход дела, всплывают именно в ходе судебного разбирательства. Причём прокурор обязан обратить на них должное внимание и в случае необходимости изменить свою позицию, не допуская «близорукую или ослепленную односторонность»[23]. А вот если речь прокурора будет чётко и подробно, во всех деталях написана заранее, изменить свою позицию будет уже сложнее, да к тому же будет соблазн оставить всё как есть, ведь на написание этой речи было потрачено много сил, времени.

Также Кони отмечал, что «в речи прокурора не должно быть развязности и насмешек над подсудимым»[24]. Прокурор, как и адвокат, в суде должен быть беспристрастным и спокойным исследователем виновности подсудимого; он не вправе извлекать из дела только уличающие подсудимого обстоятельства, он не должен преувеличивать значения доказательств вины[25].

Итак, в заключение можно сделать вывод о том, что главной идеей работ Кони является то, что нравственный и речевой аспекты наряду с правовым аспектом играют важную роль в судебной деятельности и несомненно должны учитываться всеми субъектами судебного процесса. Знание участниками процесса законов, а также их внутренние нравственные характеристики в совокупности способствуют принятию судом основанных на законе справедливых судебных решений.

---

[18] *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. С. 28.
[19] *Кони А. Ф.* Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля). С. 30.
[20] *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. С. 46.
[21] *Кони А. Ф.* Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля). С. 7.
[22] *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. С. 95.
[23] *Кони А. Ф.* Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля). С 11.
[24] Правовые воззрения А. Ф. Кони. Т. 4. С. 5.
[25] *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. С. 28.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ УЧЕНИЯ О ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Цветкова В. С.
студентка 3 курса РГУП

При реализации права на судебную защиту как во время гражданского процесса, так и в других видах судопроизводства доказательства имеют едва ли не решающую роль в определении исхода судебного разбирательства. Само доказывание — довольно сложный процесс, охватывающий мыслительную и процессуальную деятельность субъектов судопроизводства и направленный на обоснование их требований или возражений по конкретному делу. Доказательства, представленные сторонами для обоснования своих требований, подлежат оценке их содержания и формы судом. Допустимость доказательств характеризует именно процессуальную форму доказательств, то есть средства доказывания в суде[1].

Ранее, несколько столетий назад, допустимость доказательств была связана исключительно с письменными формами сделок и последствиями их несоблюдения[2]. Так, например, известный цивилист Г. Ф. Шершеневич отмечал «бытовую опасность некоторых сделок, представляющих особенный соблазн для ложных свидетельских показаний»[3]. А В. Л. Исаченко обращал внимание на целесообразность ограничения сторон в свободном распоряжении доказательствами, дабы обеспечить прочность форм гражданского оборота и предупредить возможные злоупотребления и недобросовестность сторон[4]. В целях обеспечения безопасности и стабильности гражданского оборота считалось необходимым ограничивать свободное распоряжение доказательствами, если форма договора не была соблюдена, что отчасти сохранилось и в наши дни — достаточно обратиться к статье 162 ГК РФ[5].

В юридической литературе правило допустимости средств доказывания долгое время рассматривалось как процессуальное начало и даже как принцип процесса. Например, по мнению А. Г. Прохорова, правило допустимости средств доказывания выражает одну из основополагающих идей, которая лежит в основе доказательственной деятельности субъектов судопроизводства и направлена на установление истины по делу[6]. В связи с этим, казалось бы, есть все основания рассматривать его как принцип права, однако с такой точкой зрения трудно согласиться.

Следует отличать принцип отрасли права от принципа института этой отрасли. Как справедливо отметил М. К. Треушников, нормы права, регулирующие допустимость доказательств, не имеют свойства всеобщности, которые должны быть характерны для любого принципа процесса[7]. До-

---

[1] *Фокина М. А.* Критерии допустимости доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Российское правосудие. 2013. № 4. С. 30.

[2] *Клейнман А. Ф.* Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. М., 1967. С. 51.

[3] *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1912. С. 189.

[4] *Исаченко В. Л.* Гражданский процесс: Практический комментарий на вторую книгу Устава гражданского судопроизводства: В 6 т. Минск, 1890–1896. Т. 2. С. 52–57.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 (ред. от 29.12.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

[6] *Прохоров А. Г.* Принцип допустимости средств доказывания в советском гражданском праве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. С. 8–10.

[7] *Треушников М. К.* Относимость и допустимость доказательств в гражданском процессе. М., 1981. С. 61.

УДК 347.9

пустимость доказательств, по своей сути, является основополагающей лишь в процессе доказывания, ведь определяет правила представления, исследования и оценки доказательств на всех стадиях как гражданского, так и арбитражного процесса[8].

Для того, чтобы дать наиболее полное определение современного понятия допустимости доказательств, прежде всего, необходимо выделить особенности этой категории в рамках именно гражданского судопроизводства. Ведь нередко происходит смешение понятий допустимости доказательств в гражданском и уголовном судопроизводстве, хотя их содержание далеко не тождественно, что подтверждается и формулировками законодателя.

Так, в уголовном процессе, согласно положениям ст. 75 УПК РФ[9], недопустимыми являются те доказательства, которые были получены с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса: в таком случае доказательства уже не могут иметь юридическую силу, а значит, и использоваться в целях доказывания какого-либо обстоятельства. Указанная норма Федерального закона отражает положения ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и не является единственной в своем роде — Гражданский процессуальный кодекс также имеет схожие положения в ч. 2 ст. 55, однако термин «допустимость» в них не фигурирует[10].

Как неоднократно замечалось многими правоведами, допустимость доказательств — это процессуально-правовая категория, один из критериев оценки доказательств, имеющий место на всех стадиях рассмотрения дела судом первой инстанции и, более того, судом апелляционной инстанции[11]. К примеру, частью 5 статьи 330 ГПК РФ установлено, что, при наличии оснований для отмены решения суда первой инстанции, в процессе рассмотрения дела в апелляционной инстанции суд повторно проверяет доказательства, ставшие предметом исследования для первой инстанции, на соответствие требованиям к допустимости.

Статья 60 ГПК РФ указывает следующее: «Обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами». Так законодатель выразил общее правило к форме доказательств, которое при этом уточняется отдельными статьями и их положениями в Гражданском процессуальном кодексе РФ и нормативных актах материального права.

Содержание допустимости доказательств выражается в нормах права, содержащих в себе правила допустимости доказательств. Учеными-процессуалистами в свое время было предложено несколько вариантов содержания этой категории, но, если говорить о современных реалиях, наиболее распространенным стало предложение В. В. Молчанова выделить пять элементов — требований — допустимости доказательств: а) допустимость использования в процессе доказывания только предусмотренных ГПК РФ средств доказывания; б) допустимость из числа предусмотренных ГПК РФ любых средств доказывания, кроме свидетельских показаний; в) допустимость использования предусмотренных законом средств доказывания без исключения иных средств доказывания; г) допустимость использования только письменных доказательств; д) допустимость письменных доказательств только

---

[8] *Афанасьев С. Ф., Баулин О. В., Лукьянова И. Н. и др.* Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / Под ред. М. А. Фокиной. М., 2019. С. 201.

[9] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Парламентская газета. 2001. № 241–242.

[10] Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г. // СЗ РФ. 2020. № 31. ст. 4398.

[11] *Назаров В. В., Золотухин А. Д.* К вопросу о допустимости доказательств в гражданском процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 158.

определенной формы и содержания, а также любых других средств доказывания[12].

Как бы то ни было, эта сложная система в процессуальной теории по итогу справедливо сводится к двум группам: правила с негативным содержанием и правила с положительным содержанием[13]. Правилом допустимости доказательств с позитивным содержанием признается то положение, которое предписывает использование конкретных средств доказывания того или иного обстоятельства, а негативным — запрещающее использовать определенные средства доказывания для установления отдельных обстоятельств дела[14].

Как полагает автор, влияние исторического подхода к правилам допустимости доказательств оказало существенное влияние на теоретиков гражданского процессуального права. Одни авторы считают, что допустимость доказательств распространяется только на свидетельские показания (К. С. Юдельсон, И. М. Резниченко) или же письменные доказательства (В. В. Молчанов). Другие полагают, что правила допустимости распространяются на все средства доказывания (А. Г. Калпин, Н. Д. Лордкипанидзе)[15].

Действительно, примеров правил допустимости доказательств в отношении именно свидетельских показаний довольно много. Например, пункт первый статьи 162 ГК РФ, запрещающий сторонам ссылаться на свидетельские показания для подтверждения сделки и ее условий при несоблюдении ее письменной формы, или ст. 812 ГК РФ, в соответствии с которой несоблюдение письменной формы договора влечет невозможность его оспаривания по безденежности путем свидетельских показаний не допускается, за исключением обозначенных законодателем случаев. Обе нормы ярко иллюстрируют правила допустимости с негативным содержанием.

Примером правила допустимости доказательства с позитивным содержанием можно назвать положения ст. 283 ГПК РФ о назначении судом судебно-психиатрической экспертизы на стадии подготовки дела к судебному разбирательству о признании гражданина недееспособным.

Подтвердить вторую точку зрения касательно ограничения круга доказательств только письменными также довольно легко — достаточно обратиться к положениям Гражданского процессуального кодекса и судебной практике:

1) при оценке письменных доказательств суд обязан с учетом других доказательств убедиться в том, что такие доказательства исходят от органа, уполномоченного представлять данный вид доказательств, подписаны лицом, имеющим право скреплять документ подписью, содержат другие обязательные реквизиты данного вида доказательств (ч. 5 ст. 67 ГПК РФ);

2) в качестве письменных доказательств могут выступать документы, полученные в иностранном государстве, но только в случае, если не опровергается их подлинность и они легализованы в установленном законом порядке (ч. 4 ст. 71 ГПК РФ)[16].

Имея примеры распространения правил допустимости доказательств как на свидетельские показания, так и на письменные доказательства, не составляет труда прийти к выводу, что третья точка зрения остается приоритетной — содержание норм о допустимости доказательств распространяется на весь круг доказательств, что лишь дока-

---

[12] *Молчанов В. В.* Допустимость доказательств в гражданском судопроизводстве // Законодательство. 2006. № 1. С. 71.

[13] *Треушников М. К.* Судебные доказательства. М., 2005. С. 139.

[14] Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М. К. Треушникова. М., 2014.

[15] *Соколова И. В.* Правило допустимости доказательств в гражданском судопроизводстве // Цивилистика: право и процесс. 2020. № 2. С. 57.

[16] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

УДК 347.9

зывает основополагающее свойство этой категории.

Однако на этом спорные вопросы учения о допустимости доказательств не заканчиваются: имеют место суждения о том, что правила допустимости доказательств относимы лишь к тем сделкам, нарушение формы которых запрещает сторонам ссылаться на свидетельские показания[17]. В качестве контраргумента следует отметить, что иные группы сделок — например, подлежащие государственной регистрации или нотариальному удостоверению — также подпадают в сферу действия правил допустимости доказательств, но с некоторыми оговорками.

Несоблюдение требования закона об обязательном нотариальном удостоверении сделки влечет ее ничтожность (п. 3 ст. 163 ГК РФ). Но, если требование о нотариальном удостоверении сделки все же было нарушено, доказывание фактов касательно заключения сделки и ее условий свидетельскими показаниями будет запрещено. Что касается требования о соблюдении государственной регистрации, то последствия его нарушения не связаны с признанием сделки недействительной, поскольку до момента регистрации сделка в принципе не существует (п. 1 ст. 164 ГК РФ). В соответствии с п. 2 ст. 165 ГК РФ, если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но одна из сторон уклоняется от ее регистрации, то суд по требованию другой стороны вправе вынести решение о регистрации сделки. В этом случае сделка регистрируется в соответствии с решением суда. Соответственно, как отмечает М. А. Фокина, факты уклонения одной из сторон от регистрации сделки могут доказываться при помощи любых доказательств[18].

В приведенных примерах фигурировали нормы материального права, что также вызывает споры среди ученых-процессуалистов: могут ли процессуальные нормы содержаться в источниках материального права? К примеру, А. Г. Прохоров высказывал мнение, что в настоящее время их необходимо исключить из кодифицированных и некодифицированных материально-правовых актов[19]. Некоторые авторы придерживаются той позиции, что процессуальные нормы могут содержаться в нормативных актах материального права при условии верховенства процессуального законодательства[20].

В то же время, по мнению И. В. Решетниковой, доказательственное право является комплексным правовым институтом[21]. Определение доказывания как комплексного правового института объясняется тем, что общие процессуальные нормы о доказательствах, расположенные в главе «Доказательства и доказывание» ГПК РФ, применимы при разрешении любого гражданского дела. Однако конкретные гражданских дел имеют свою специфику — предмет доказывания, требования в отношении допустимости доказательств, — и в этом случае нельзя обойтись без специальных норм, которые могут быть закреплены как в особенной части ГПК, так и в формах материального права, содержащих нормы о доказательствах.

По мнению автора статьи, наиболее важным обстоятельством этого вопроса является урегулированность отдельных процессуальных правоотношений, имеющих свои особенности, поэтому закрепление регулирующих их процессуальных норм в материально-правовых актах (ГК РФ, ТК РФ, СК РФ) никоим образом не посягает на самостоятельность отрасли гражданского права и лишь облегчает их реализацию.

---

[17] *Боннер А. Т.* Правило допустимости доказательств в гражданском процессе: необходимость или анахронизм? // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 21–30.

[18] *Фокина М. А.* Указ. Соч. С. 32.

[19] *Прохоров А. Г.* Указ. Соч. С. 10–11.

[20] *Чечина Н. А.* Основные направления науки гражданского процессуального права. Л., 1987. С. 97.

[21] *Решетникова И. В.* Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. Екатеринбург, 1997. С. 106–143.

Таким образом, в гражданском судопроизводстве понятие допустимости доказательств представляет собой требования к процессуальной форме доказательств, то есть средствам доказывания, закрепленным не только в Гражданском процессуальном кодексе, но и в материально-правовых нормативных актах. Кроме того, допустимость доказательств представляет собой процессуальное ограничение в сфере установления неизвестных фактов с учетом специально предписанных законодателем доказательств, а не любых видов судебных доказательств, предусмотренных в законе[22].

[22] *Гордейчик А. В.* Допустимость доказательств в гражданском и арбитражном процессах. Хабаровск, 2000. С. 25.

УДК 340.6

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Кашина М. В.
Шавулова С. Н.
студентки 1 курса РГУП

Советский и российский лингвист В. М. Алпатов отмечал, что «человеку свойственно не замечать язык, на котором он говорит, до тех пор, пока перед ним не появляются проблемы, связанные с осуществлением речевой практики и пониманием значимой информации»[1].

В современном мире перед экспертом-лингвистом ставятся задачи, которые предполагают также и юридический аспект исследования. На основе анализа устных и письменных текстов устанавливаются юридически значимые факты, которые составляют предмет изучения экспертов. Актуальность исследуемой темы обусловлена отношением рассматриваемого понятия к проводимым лингво-криминалистическим экспертизам. Лингвистические исследования способствуют выявлению индивидуально-типических особенностей текста, благодаря которым появляется возможность определить социальные и психологические особенности личности автора, то есть особенности, исследуемые нами в пределах понятия «языковая личность». Наша задача — определить сущность понятия «языковая личность», обратиться к особенностям изучения исследуемого феномена и определить, как взаимосвязаны языковая личность и лингвистическая экспертиза и какое воздействие языковая личность оказывает на процесс проведения лингвистической экспертизы.

В ходе развития лингвистики проблема языковой личности обсуждалась неоднократно. Понятие языковой личности было введено в лингвистику в 30-х гг. XX в. В. В. Виноградовым[2]. Концепцию языковой личности в первой половине 80-х гг. предложил Г. И. Богин[3]. Позднее в книге «Русский язык и языковая личность» появилось определение Ю. Н. Караулова[4]. Опираясь на дефиниции В. В. Виноградова, Г. И. Богина и Ю. Н. Караулова, можно вывести наше рабочее определение: «Языковая личность — это личность, выраженная в тексте и через язык, охарактеризованная на основе анализа сделанных ею текстов, с учетом применения в этих текстах особенностей, дающих представление о характерных чертах изучаемой личности».

Для того чтобы подробнее разобраться в исследуемом понятии, обратимся к структуре языковой личности. Выделение в ней иерархических уровней достаточно условно: наблюдается их взаимозависимость и взаимопроникновение. Исходя из исследований Ю. Н. Караулова[5] и Г. И. Богина[6], мы можем выделить следующие три уровня: 1) вербально-семантический (владение языком); 2) лингво-когнитивный, или тезаурусный (идеи, понятия и представления, которые складываются в единую картину мира); 3) прагматический (цели, мотивы, интересы, проявляющиеся в речи).

---

[1] Цит. по: *Ионова С. В.* Аспекты исследования письменного текста как объекта лингвистической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 29.

[2] *Виноградов В. В.* История слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1994. С. 271–309.

[3] *Богин Г. И.* Концепция языковой личности: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1982. С. 14.

[4] *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 7.

[5] Там же. С. 38.

[6] *Богин Г. И.* Указ. соч. С. 14

Структура языковой личности определяет различные аспекты её изучения[7]: 1) ценностный, который содержит этические нормы поведения, свойственные этносу в определенный период (например, нормы поведения согласно тому или иному вероучению); 2) познавательный (когнитивный), который в процессе общения выявляется на фоне освоения коммуникантами картины мира; 3) поведенческий, который представляет собой совокупность вербальных и невербальных индексов, определяющих языковую личность как представителя общества.

Каждая языковая личность содержит индивидуально-личностные характеристики, которые, с точки зрения психологии, можно определить как речевой портрет человека. Речевой портрет — это представление речевого поведения языковой личности. Отметим, что языковая личность не всегда обладает одинаковым речевым портретом в разных речевых ситуациях. Так, один и тот же человек может быть реализован одновременно в разных ролях (например, выступать адвокатом или прокурором и одновременно еще отцом или братом), это зависит от того, как он вступает в коммуникацию и ведет себя в определенной речевой ситуации и с различными людьми. Исходя из этого, мы можем говорить о множественности речевого портрета языковой личности.

Переходя к лингвистической экспертизе, опираясь на информацию сайта Российского Федерального центра судебной экспертизы, мы можем вывести такое её рабочее определение: «Судебная лингвистическая экспертиза (СЛЭ) — самостоятельный род судебных экспертиз, предметом которой являются факты (обстоятельства), имеющие значение для уголовного либо гражданского дела и устанавливаемые на основе анализа речевой деятельности»[8].

Любой письменный или устный текст — это продукт речевой деятельности человека, поэтому объектами лингвистической экспертизы могут стать письменные (письма, сообщения в соцсетях, объявления и т. д.) и устные тексты (выступления, высказывания — в том случае, если они зафиксированы на бумаге или представлены в виде аудио-, видеозаписи).

Лингвистическая экспертиза помогает определить психические черты автора, степень тревожности, пребывание его в аффективном или нормальном состоянии и пр. В отдельных случаях она позволяет оценить также некоторые характерные особенности личности (например, тип темперамента, возраст, уровень образования, тяготение к мужскому или женскому психотипу — отметим, что в исследуемых текстах может иметь место гендерная нейтральность, но в большинстве случаев вполне возможно определить гендерную принадлежность).

Нами была осуществлена попытка проанализировать тексты интервью, принадлежащие различным языковым личностям, причём изначально нам не было известно, кому именно принадлежат приведенные контексты. Следует добавить, что основной задачей было не определить, кто же дает интервью, а проанализировать речевое поведение человека и, исходя из этого, составить портрет личности. Заметим, что мы не только провели анализ речевого портрета информантов с точки зрения коммуникации, но и смогли определить конкретные персоны, дающие интервью, — и в этом нам помогла научная работа в исследовании языковой личности.

Обратим внимание, что при анализе текстов интервью мы опирались на несколько критериев: 1) уровень образованности личности; 2) примерный возраст личности; 3) гендер личности; 4) эмоциональное состояние личности.

Подход с опорой на то, как индивид владеет нормами русского языка, культурой речи, выбирает и использует тот или иной

[7] *Караулов Ю. Н.* Указ. соч. С. 86.

[8] Российский Федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. URL: http://www. sudexpert. ru/possib/lingv. php (дата обращения: 15.10.2021).

репертуар средств общения, помог создать общее впечатление о говорящем, сформировать его речевой портрет в конкретной коммуникативной ситуации.

В первом интервью[9] мы обратили внимание на хорошее владение информантом речью. Из приведённого контекста мы поняли, что индивид обучался в Оксфордском университете — как известно, престижном учебном заведении — следовательно, респондент получил хорошее образование. Кроме того, об уровне образованности можно судить, исходя из знания информантом языков и различных произведений, а также отсылок к скандинавской поэзии.

Следует отметить, что интервьюируемый к каждой своей высказанной мысли приводил убедительный аргумент, обосновывая свое мнение, что позволяет судить о развитой логике.

Гендер говорящего определить было несложно: мы проанализировали его фразы о поэтической дуэли в хип-хопе, ставшей баттлом двух MC — а это, как правило, состязание двух мужчин (рэперов), которые по очереди читают рэп без музыки и различным образом словесно унижают друг друга с помощью «панчей», то есть ярких колких фраз, которые должны задеть соперника и получить одобрение зрителей. Как нам было известно, именно Оксимирон стал победителем в номинации «Лучший MC». Рассматриваемый аспект и подтолкнул нас к выводу, что дающим интервью была именно эта личность.

Коммуникант неоднократно касается конфликта политических систем двух государств, рассуждает по этому поводу и высказывает оценочное мнение. Обращение к политическим вопросам позволяет предположить, что индивид находится в осознанном возрасте, чтобы рассуждать о политике и высказывать свою точку зрения. Кроме того, говорящий касается темы молодежи, утверждая, что нынешние молодые люди гораздо свободнее, чем поколение респондента. Иначе говоря, коммуникант относит себя к предыдущему поколению, но при этом является осведомленным о современных тенденциях, во многом понимает подрастающее поколение. Рассуждения приводят к выводу, что предположительный возраст личности колеблется в диапазоне 35–40 лет.

Переходя к четвертому критерию анализа, отметим, что индивид говорит достаточно спокойно, без резких эмоциональных перепадов, однако, несмотря на рассудительность, лексемы, которые он использует в речи, могут указывать на скрытую эмоциональность.

Итак, первым и довольно интересным для анализа текстом оказалось интервью российского хип-хоп исполнителя Оксимирона[10], который рассказал о том, как хип-хоп побеждает политику, а недоброжелательные, местами враждебные «баттлы» со взаимными оскорблениями способны сплотить страны и помогают лучше узнать и понять чужую культуру.

В следующем тексте[11] мы обратили внимание на шероховатости и недочёты в речи, бедность словарного запаса, контрастирующего с первым интервью. Ответы говорящего односложны, отсутствует связное последовательное выражение мысли. Кроме того, в самом начале у коммуниканта спросили, как он ладит с другими ребятами, на что последовал ответ: *Мы отлично с ними играем.* Такая фраза дает основание задуматься о том, что перед нами речь ребенка. Говорящий рассказывает, что читает конспекты по информатике, что его любимое произведение — «*Гостья из будущего*», а более всего произвел впечатление мультфильм «*Лунтик*». Общеизвестно, что мультфильмы оказывают большее влияние именно на детей, поскольку их психика ещё не до конца

[9] *Марш Р.* Oxxxymiron в интервью BBC: «Быть проводником любой пропаганды, призывов или лозунгов я не собирался» // VSRAP. URL: https://vsrap. ru/oxxxymiron-interview-bbc/ (дата обращения: 30.10.2021).

[10] Мирон Янович Фёдоров, признан иностранным агентом.

[11] Сдала ЕГЭ в 8 лет и поступила в МГУ: интервью с Алисой Тепляковой. Комсомольская правда // Официальный канал YouTube. URL: https://www. youtube. com/watch?v=P4ENPoZS5zA (дата обращения: 30.10.2021).

сформирована. Кроме того, у коммуниканта присутствует детское желание и проявляются наиболее яркие эмоции при ответе на вопрос о любимом лакомстве (Ответ информанта: «*Торт и мороженое!*»). Предположительно такая реакция не свойственна взрослому человеку, поэтому мы определили возрастной диапазон говорящего от 8 до 10 лет.

Следует заметить, что при ответах на задаваемые вопросы коммуникант не проявляет особой эмоциональности, складывается впечатление, что индивиду не интересен этот диалог, и лишь вопрос о лакомстве вызывает эмоциональный всплеск.

В определении пола личности проблем не возникло, поскольку во время беседы говорящий рассказал о своей мечте, свойственной, по нашему мнению, больше женскому полу, девочкам: *Например, получить крылья. Только не вместо рук.* Наряду с этим подчеркнем, что в возрасте, который мы примерно определили, интерес к учебе и книгам возникает больше у девочек, нежели у мальчиков, следовательно, как мы посчитали, это интервью с маленькой девочкой. В итоге мы определили, что эта девочка — Алиса Теплякова, поступившая в МГУ на факультет психологии, несмотря на свой возраст.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что каждая языковая личность имеет свои психологические и речевые особенности, которые в соответствии с определенной речевой ситуацией проявляются в письменных текстах и устной речи. Именно эти особенности помогает выявить и далее соотнести с определенной языковой личностью лингвистическая судебная экспертиза.

УДК 349.2

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОГО ПРАВА В ПЕРИОД ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Бондаренко П. К.
студент 4 курса РГУП

В СССР вводились чрезвычайные меры регулирования трудовых отношений в связи с обстановкой военного времени и необходимостью бесперебойной работы предприятий. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. в местностях, объявленных на военном положении, военные могли привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны различных важных объектов и для борьбы с пожарами и иными стихийными бедствиями[1]. Военные могли передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, хулиганстве, других видов преступлений, предусмотренных уголовными кодексами союзных республик. 26 июня 1941 г. был издан Указ Президиумом Верховного Совета СССР, согласно которому было увеличено время работ, то есть увеличены сверхурочные часы. Директоры предприятий могли устанавливать с разрешения Совнаркома СССР обязательные сверхурочные работы для рабочих продолжительностью от 1 до 3 часов в день[2]. Государство учитывало и возрастные категории трудящихся и их уровень возможностей. Так, лица, не достигшие 16 лет, могли быть привлечены к обязательным сверхурочным работам сроком не более двух часов в день. Сверхурочные обязательные работы не применялись к беременным женщинам с шестого месяца беременности. За обязательные сверхурочные часы работы производилась оплата труда в полуторном размере. Согласно Указу, все дополнительные отпуска заменялись денежной компенсацией. Отпуска предоставлялись лишь в случае болезни.

В период Великой Отечественной войны необходимо было обеспечить рабочей силой важнейшие предприятия, особенно это касалось предприятий военной промышленности, работающих на нужды армии, на обеспечение фронта. В связи с этим, 13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета издает Указ, согласно которому трудоспособное население СССР подлежало мобилизации для работы на производстве и строительстве, в первую очередь танковой и авиационной промышленности[3]. Для работы на столь нужных для войны предприятиях призывалось мужское население в возрасте от 16 до 55 лет, женщины в возрасте от 16 до 45 лет. От мобилизации освобождались лица мужского и женского пола в возрасте от 16 до 18 лет, которые подлежали призыву в школы фабрично — заводского обучения, учащиеся средних и высших учебных заве-

---

[1] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении» // Центральный архив Минобороны РФ. URL: https://archive. mil. ru/archival_service/central/resources/collection/gallery. htm?id=10967@cmsPhotoGallery (дата обращения: 01.06.2021).

[2] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941 «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». URL: https://military. wikireading. ru/31189 (дата обращения: 01.06.2021).

[3] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.02.1942 «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». URL: https://www.alppp. ru/law/ugolovnoe-pravo--ispolnenie-nakazanij/16/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-13-02-1942. (дата обращения: 01.06.2021).

дений, женщины, имеющих грудных детей и детей до 8 лет, в случае если за ними никто не сможет обеспечить уход. В связи с военным временем, за нарушение данных требований, а значит за уклонение от мобилизации, данное лицо привлекалось к уголовной ответственности и подлежало принудительным работам на срок до одного года. Согласно Постановлению СНК СССР от 10 августа 1942 г. к трудовым повинностям привлекались лица для выполнения оборонных работ, заготовок топлива, это Постановление таким образом дополнило Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», где граждане привлекались к устранению пожаров, наводнений и иных стихийных бедствий. Также Постановление закрепляло срок, на который можно было привлечь лицо к трудовой повинности и время рабочего дня. К трудовой повинности привлекались граждане сроком до двух месяцев с продолжительностью рабочего дня в размере восьми часов в день и трех часов обязательного сверхурочного времени[4].

Во время войны страдали различные виды отраслей промышленности, хозяйства, исключением не стало и сельское хозяйство. Уходя и оставляя после себя территорию, враг применял тактику выжженной земли, согласно которой не оставалось никакого продовольствия, припасов, техники. Поэтому даже после освобождения региона от недавней оккупации врагом, необходимо было восстанавливать все. 13 апреля 1942 г. было издано Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б), исходя из которого в наиболее напряженные периоды сельскохозяйственных работ совнаркомы союзных и краевых республик имели право в порядке мобилизации привлекать на работу в МТС, колхозы, совхозы, неработающее трудоспособное городское и сельское население[5]. На такие работы привлекались также учащиеся 6–10 классов. Учащиеся школ трудились на сельскохозяйственных работах от 6 до 8 часов. Колхозы и совхозы обязаны были обеспечить общественным питанием работников, прибывших к ним на сельскохозяйственные работы.

Мобилизация населения на сельскохозяйственные работы была оплачиваемой наравне с колхозниками. Советский Союз никогда не забывал о своих героях, как на фронте, так и в тылу. 6 июня 1945 г. Президиум Верховного Совета издал Указ, согласно которому была введена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Медалью награждались рабочие, инженеры, колхозники, работники науки, техники, искусства и литературы, работники профсоюзов и многие другие[6]. Страна победила в войне лишь благодаря всеобщим усилиям и труду, который был приложен не только солдатами на фронте, но и гражданским населением, которые усердно трудились во имя победы, народа и своей родины.

Изучив деятельность органов власти, военных судов в период Великой Отечественной войны, рассмотрев развитие законодательства в данный период, необходимо сформулировать выводы и подвести итоги в работе. Хочется отметить, что менялись органы власти, но также сохранялись и органы, действующие в довоенный период. Впер-

[4] Постановление СНК СССР от 10.08.1942 «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» № 1353 // URL: http://docs. historyrussia. org/ru/nodes/199889-o-poryadke-privlecheniya-grazhdank-trudovoy-povinnosti-v-voennoe-vremya-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-soyuza-ssr-ot-10-avgusta-1942-goda-1353 (дата обращения: 01.06.2021).

[5] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13.04.1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» №507 // Электронная библиотека исторических документов. URL: http://docs. historyrussia. org/ru/nodes/181277-o-poryadke-mobilizatsii-na-selskohozyaystvennye-raboty-v-kolhozy-sovhozy-i-mts-trudosposobnogo-naseleniya-gorodov-i-selskih-mestnostey-iz-postanovleniya-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-13-aprelya-1942-g (дата обращения: 01.06.2021).

[6] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06.06.1945 г. «Об учреждении медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Сборник законов СССР. 1968. № 2.

УДК 349.2

вые с 1944 г. была установлена возможность заключения договоров между союзными республиками и иностранными государствами. Следует подчеркнуть тот факт, насколько сильно повлияла Великая Отечественная война на развитие законодательства в данный период. Исходя из проведенной исследовательской работы, можно сделать вывод, что война во всех отраслях права играла отягчающую роль. Особенно это было заметно в уголовном законодательстве военного периода. Существовали те преступления, за которые в довоенное время было невозможно привлечь лицо к уголовной ответственности, но именно в военный период за данное преступление лицо привлекалось к уголовной ответственности и тюремному заключению, примером этому послужило рассмотренное мною такое преступление, как распространение ложных слухов, за которое срок тюремного заключения мог доходить от 2 до 5 лет. Война увеличила уровень преступности в стране, увеличила уровень смертности, все эти факторы являлись неоспоримым основанием для ужесточения советского законодательства в период войны. Исходя из вышесказанного, можно обосновать и ужесточение меры наказания за кражу, за которую лицо привлекалось к уголовной ответственности и тюремному заключению. Ужесточение было не только в области уголовного права, оно коснулось всех отраслей права. СССР пытался выполнить одну из важных задач на тот период — повысить уровень рождаемости населения, тем самым устанавливал различного рода льготы матерям и предоставлял отпуска по беременности. Уделялось особое внимание восстановлению сельского хозяйства. Семья — для СССР была важным звеном в жизни, он поддерживал этот социальный институт, заботился о детях-сиротах.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Антипов К. И.
Бондаренко П. К.
студенты 4 курса РГУП

Налоги и налоговая система как сопутствующий элемент государства призваны быть как финансовым источником средств для реализации государственных функций, так и базой механизма государственного регулирования экономики. Данный элемент государства мы можем наблюдать с момента образования общества как такового. Постепенное развитие налоговой системы привнесло множество новых методов и средств, руководствуясь которыми, государство повышает эффективность выполнения собственных функций.

К сожалению, категория «налоговая система» до сих пор не нашла своего легального толкования. Раскрыть ее значение можно только изучая доктрину налогового права, различные позиции ученых по этому поводу.

К примеру, К. С. Бельский под налоговой системой понимает «совокупность взаимосвязанных частей (элементов) в сфере налогообложения, к которым относятся: платежеспособность граждан, система установленных законом налогов и сборов, налоговая администрация и применяемые государством методы налогообложения»[1].

В соответствии со ст. 8 НК РФ налог представляется как «обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований»[2]. Налоговый кодекс также устанавливает виды налогов, которые содержатся в ст. 13 НК РФ. Говоря о федеральных налогах, стоит упомянуть налог на добавленную стоимость или как его принято называть — НДС, акцизы, налог на доходы физических лиц (НДФЛ), налог на прибыль организаций, налог на добычу полезных ископаемых, водный налог, сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов, государственную пошлину и налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья. В ст. 14 НК РФ закреплен перечень региональных налогов, который, по сравнению, с федеральными налогами, значительно меньше. К региональным налогам относятся налог на имущество организаций, налог на игорный бизнес и транспортный налог. Стоит также упомянуть и о ст. 15 НК РФ, которая закрепляет перечень местных налогов и сборов. К ним относятся земельный налог, налог на имущество физических лиц и торговый сбор.

Важной характеристикой налоговой системы, как говорилось, выступают методы налогообложения. Существуют прогрессивная, пропорциональная и регрессивная системы налогообложения. Россия принадлежит к группе стран, использующих пропорциональную систему налогообложения.

---

[1] *Цинделиани И. А.* Налоговое право. М., 2019. С. 615.

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Российская газета. 1998. № 148–149. ст. 3824.

Данная система предполагает взимание одинакового процента с доходов независимо от их величины. В 2000-х гг. в России была введена так называемая «плоская шкала» подоходного налога с физических лиц в 13%, а также была снижена ставка налога на прибыль до 20%. Снижение ставки налога на прибыль сыграло, как представляется, ключевую роль в развитии налоговой системы России. В 1990-х гг., когда Россия только появилась как самостоятельное государство в условиях разрухи и политической нестабильности налоговая политика имела лишь одну цель — накопление бюджета страны без учета социального фактора, то есть, носила фискальный характер. В тот период в стране существовали высокие налоги, малый и средний бизнес в России был на гране краха. Налог на прибыль предприятий составлял тогда 32%. Многие предприятия были вынуждены уйти в теневой сектор экономики, пытаясь уклониться от уплаты налога, ведь на тот момент у предприятий было 2 пути: уйти в теневую экономику или банкротство. Все эти события, безусловно, наносили колоссальный ущерб развитию экономики России.

Говоря о вопросах уклонения от налогов, стоит сказать, что такое желание у людей существует еще с момента их появления. Но тенденция уклонения от уплаты налогов подходит больше к развивающимся странам, чем к экономически развитым странам. За всем этим стоит совершенствование и развитие законодательства в области налогообложения, механизмы взимания налогов. Но, в первую очередь, это зависит от самих налогоплательщиков, от их моральных качеств и чувства ответственности перед государством и обществом.

В 2001 г. в систему налогообложения России была введена пропорциональная ставка налогообложения. Данное введение способствовало значительному росту поступления налоговых средств в бюджет. Однако введение пропорциональной ставки налогообложения привело к гигантскому разрыву в доходах между бедными и богатыми, росту социальной напряженности в обществе[3]. На наш взгляд, применение прогрессивной ставки налогообложения способствовало бы более справедливому и социально направленному развитию финансовой системы в целом.

В сравнении с российской налоговой системой стоит привести в пример американскую систему. В США по сравнению с Россией действует прогрессивная система налогообложения. И здесь стоит отметить, что в качестве налогообложения рассматривается доход семьи. То есть в США данная система различает 3 понятия: доход супружеской пары, доход одного субъекта и доход родителя-одиночки. И к каждой из этих категорий налогоплательщиков применяется прогрессивная шкала налогообложения.

Многие люди задумываются о социальной справедливости в налоговой системе. И речь конечно же заходит о прогрессивной ставке системы налогообложения. Правители государств, порой под видом борьбы с социальным неравенством в стране предлагают повысить уровень подоходного налога для богатых людей, тем самым, увеличив поступление денежных средств в казну. Существует множество различных точек зрения о данной системе налогообложения. В частности, А.И. Погорлецкий считает, что такой шаг негативно скажется на стране, так как увеличение налога не изменит кардинально уровень бюджета в государстве, а к тому же это приведет к уклонению от уплаты налогов. Это будет выражаться в переезде наиболее обеспеченных людей в страну с более либеральным налоговым режимом. Банальным примером бегства от налоговой системы был поступок Ж. Депардье, который просто бежал от налогов, отказавшись от французского гражданства. Он получил российское. Стоит отметить, что Франция принадлежит к числу стран с прогрессивным системой налогообложе-

[3] *Тропская С. С.* Правовой статус налогоплательщика: баланс публичных и частных интересов в налоговой сфере // Государство и право. 2008. № 5. С. 103.

ния[4]. Есть мнение, что текущую налоговую систему не стоит изменять, так как российская система налогообложения неплохо зарекомендовала себя: практически отсутствуют уклонения от уплаты налогов, НДФЛ не является основным источником дохода в России. Не стоит забывать и об известном мировом кризисе 2008–2009 гг. В тот момент многие государства, которые пострадали от кризиса, пытались как можно быстрее восстановить экономику, перестраиваясь на прогрессивную систему налогообложения, поднимая ставку НДФЛ. Россия не последовала примеру западных стран, наша страна шла по курсу, по которому она шла и до кризиса. В стране сохранялась пропорциональная система. Резкой критике А. И. Погорлецким подверглось решение Украины ввести прогрессивную налоговую систему на смену «плоской шкале» в 15%. В частности, был установлен минимум в 15% и максимум в 17%, что по словам ученого привело к усложнению его уплаты гражданами.

Говоря в целом о налоговой системе, стоит отметить важный принцип налогообложения, который выделяет Ассоциация дипломированных присяжных бухгалтеров. Данным принципом является простота и стабильность налоговой системы. Однако, согласно отчету «Paying taxes 2009», который был подготовлен компанией PricewaterhouseCoopers (PWC), Всемирным банком и Международной финансовой корпорацией, налоговая система РФ классифицирована как достаточно сложная. Если рассматривать налоговые системы с позиции простоты, то стоит выделить налоговую систему на Мальдивах. Предприниматели на Мальдивах платят лишь один налог и связано это со слабым предпринимательством, что и послужило поводом к сокращению налогов. Данная система простая, но процесс, по которому Мальдивы пришли к такой системе, следует называть деградацией, такой пример не подходит России[5].

Ряд исследователей полагает, что российской налоговой системе нужны реформы. Суть данной реформы заключается в уменьшении налоговой нагрузки и обеспечении уплаты налогов всех налогоплательщиков в соответствии с законом[6]. Необходимо ввести регрессивные ставки налога на прибыль, тем самым, при регрессивной системе налогообложения предприниматели не будут стремиться всеми путями скрыть свой доход и пытаться его «сократить», наоборот же, они будут стремиться показать свой доход в полном объеме. С помощью таких мер можно нанести серьезный удар по теневой экономике. России необходимо совершенствование налоговой системы, в первую очередь, оно должно соответствовать требованиям и задачам российского общества.

На текущем этапе развития российская экономика переживает непростой период. Темпы экономического роста не совсем соответствуют уровню жизни населения страны, здесь же стоит отметить, что отставание происходит не только по внутренним показателям уровня жизни населения России, но и также по среднемировым показателям. Безусловно, все это накладывает свой отпечаток в развитии экономики России, в частности существуют значительные проблемы в области инвестиций, модернизации экономики страны. Для решения данных проблем необходимо предпринять ряд мер по улучшению экономической обстановки в России, это касается, в первую очередь вопросов модернизации финансового и налогового механизмов. Ряд ученых предлагают использовать опыт советской налоговой системы 1930-х гг[7]. Советское государство в обстановке международной изоляции раз-

[4] *Погорлецкий А. И.* Индивидуальное подоходное налогообложение в мировой и российской практике: современные тенденции и перспективы // Бизнес Информ. 2013. № 11. С. 24.

[5] *Попова Г. Л.* Характеристики налоговой системы с позиции теории систем // Финансы и кредит. 2011. № 46. С. 39.

[6] *Швецов Ю. Г., Золотаренко С. Г., Руди Л. Ю.* Налоговая система России и пути ее совершенствования // Идеи и идеалы. 2013. № 3. С. 70.

[7] *Самаруха В. И., Самаруха А. В., Самаруха И. В.* Развитие финансового и налогового механизмов в советской России и СССР // Известия Байкальского государственного университета. 2020. С. 110.

вивалось экономически благодаря накоплениям в госбюджете. В частности, основными источниками таких накоплений являлись налог с оборота и прибыль с предприятий. Однако стоит учитывать фактор рентабельности предприятий, высокая рентабельность позволяет подразделять чистый доход на две формы: налог с оборота и прибыль[8]. В условиях текущей экономической ситуации проблема рентабельности носит особо актуальный характер, который достаточно трудно решить.

Однако, принимая во внимание все особенности существующей налоговой системы и государственной системы в целом, стоит определить, что все же опыт советской налоговой реформы 30-х годов прошлого века не подходит для современной России. Еще в конце 19 века Озеров И. Х., известный русский классик науки финансового права, установил, что налоговую систему государства, ее сущность, структуру, определяет, прежде всего, социально-экономический строй общества[9]. Следовательно, стоит сделать вывод, что способы проведения индустриализации в 30-х годах прошлого века были возможны при плановой экономике, когда государство смогло перераспределить ресурсы и в кратчайшие сроки произвести глобальную экономическую реформу. Применение данных способов в современной России неизбежно приведет к провалу.

Таким образом, существует множество различных точек зрения по поводу российской налоговой системы, ее развития и ее будущего. На наш взгляд, налоговая политика государства не должна стоять на месте, она должна двигаться и развиваться. Безусловно, российской налоговой системе нужны реформы, вопрос состоит лишь в том, какие реформы нужны России. На текущий момент в российской налоговой политике, на наш взгляд, не соблюдается один из важнейших принципов, мы говорим о принципе справедливости. В России установлен налог на доходы физических лиц в размере 13% вне зависимости от уровня дохода и благосостояния граждан. Во время одного из летних обращений к россиянам Президент РФ объявил о повышении ставки НДФЛ до 15% для граждан, зарабатывающих свыше 5.000.000 руб. в год. По словам Президента, эти изменения вступят в силу с 1 января 2021 г. Данная инициатива наглядно демонстрирует готовность нынешней власти к проведению реформ в области налоговой системы РФ. России необходимо перейти на прогрессивную систему налогообложения, как это уже сделали образцовые страны с высоким уровнем экономического развития, ввести максимальную ставку обложения высоких доходов, что поможет уменьшить неравенство в обществе между богатыми и бедными, а установление минимальной ставки обложения для лиц с низким уровнем дохода позволит усилить социальную функцию налогообложения.

[8] *Александров А. М.* Финансы социализма: Учебное пособие М., 1974. С. 336.

[9] *Озеров И. Х.* Главнейшие течения в развитии прямого обложения в Германии в связи с экономическими и общественными условиями. СПб., 1899. С. 18.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Чвиров В.В.
студент 2 курса магистратуры РГУП

Актуальность данного вопроса обусловлена повышенной значимостью кредитных организаций в общественных и экономических отношениях в рыночной экономике Российской Федерации на современном этапе её развития. Вопросы, связанные с корпоративным управлением, являются предметом активного обсуждения среди научного сообщества. Поскольку кредитные организации кроме своих основных функций, выполняют также публичные функции, которые отвечают экономическим интересам как самой кредитной организации, так и государства в целом, то одной из ключевых задач корпоративного управления является обеспечение эффективности защиты интересов её акционеров, кредиторов и вкладчиков от различного рода рисков. Этот уровень защиты зависит прежде всего от грамотного и продуманного руководства деятельностью кредитной организации, чем в свою очередь занимаются органы управления кредитной организации, обозначенные в ст. 11.1 ФЗ «О банках и банковской деятельности» (далее – ФЗ № 395-1, Закон о банках): общее собрание её учредителей (участников), совет директоров (наблюдательный совет), единоличный исполнительный орган и коллегиальный исполнительный орган[1].

В соответствии с Кодексом корпоративного управления (далее – ККУ) «корпоративное управление» определено как понятие, охватывающее систему взаимоотношений между исполнительными органами акционерного общества, его советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами[2]. Само по себе корпоративное управление обычно рассматривается как система экономических отношений между различными категориями собственников компании, ее менеджерами и сотрудниками, другими заинтересованными лицами по поводу управления организацией и направлено на четкое определение стратегических целей, путей их достижения, обеспечение контроля со стороны акционеров, справедливое распределение результатов работы между всеми участниками процесса[3]. В рамках системы корпоративного управления определяются права и обязанности различных уровней управления кредитной организацией, а также их ответственность. Для уяснения специфики объекта исследования стоит обозначить определение понятия «кредитная организация», которое закреплено в ст. 1 ФЗ № 395-1. Кредитная организация – юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет

[1] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

[2] Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40.

[3] *Дадашева О.Ю.* Корпоративное управление в банках // Управление в кредитной организации. 2012. № 1. С. 42–51.

право осуществлять банковские операции, предусмотренные Законом о банках.

Изучая вопрос корпоративного управления в кредитных организациях следует провести сравнительный анализ с корпоративным управлением в иных юридических лицах, тем самым выделив целый ряд особенностей корпоративного управления в кредитных организациях.

Исходя из положений п. 3 ст. 65.3 ГК РФ, коллегиальный исполнительный орган (правление, дирекция) является факультативным органом управления и может не образовываться в хозяйственных обществах, за исключением случаев, когда его образование предусмотрено законом или уставом[4]. Так, ст. 11.1 Закона о банках предусматривает образование коллегиального исполнительного органа в кредитных организациях[5]. Целью данного установления является особая сфера деятельности кредитных организаций, которая требует дополнительный контроль, в том числе и создание большего количества органов управления. Так, в продолжении упомянутой статьи говорится, что текущее руководство деятельностью кредитной организации осуществляется ее единоличным исполнительным органом (далее – ЕИО) и коллегиальным исполнительным органом (далее – КИО).

Кроме того, помимо общих требований к председателю и членам коллегиальных органов управления корпораций, установленных п. 4 ст. 65.3 ГК РФ, ФЗ № 395-1 прописаны особые требования при избрании лиц на следующие категории должностей: лицо, осуществляющее функции ЕИО, его заместителя, члена КИО (далее – руководитель кредитной организации); главный бухгалтер или заместитель главного бухгалтера кредитной организации; руководитель филиала кредитной организации; главный бухгалтер филиала кредитной организации. Данные лица не могут занимать аналогичные должности в иных организациях данной сферы деятельности, ввиду того, что это может привести к конфликту интересов, а также в аффилированных лицах по отношению к самой кредитной организации.

Помимо этого, к данным лицам, включая членов коллегиальных органов управления предъявляются соответствующие квалификационные требования (образование, опыт работы на соответствующих должностях), а также требования к деловой репутации[6]. Несоблюдение данных требований влечет согласно положениям ст. 16 Закона о банках отказ в государственной регистрации кредитной организации и выдаче ей лицензии на осуществление банковских операций.

Также, ввиду особой роли Центрального Банка РФ (далее – ЦБ РФ, Банк России) в качестве регулятора финансового рынка[7], кредитные организации обязаны согласовывать назначение лиц на определенные категории должностей, далее уведомлять Банк России о назначении (избрании) кандидатов на должности, а также об избрании (освобождении) члена совета директоров (наблюдательного совета) и представлять соответствующие сведения и документы.

Если же обратиться к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) кредитной организации, то стоит отметить, что помимо общих полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ «Об АО»), Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», за ним закреплены и специальные, к числу которых относится: *принятие решений об обязанностях членов совета дирек-*

---

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[5] *Губин Е.П., Лахно П.Г.* Предпринимательское право Российской Федерации: учебник. М., 2020. С. 259; *Шиткина И.С.* Корпоративное право: Учебник. М., 2018. С. 557.

[6] Письмо Банка России от 10.03.2020 № ИН-06-14/13 «О контроле за соответствием лиц квалификационным требованиям и (или) требованиям к деловой репутации» // Вестник Банка России. 2020. № 24.

[7] Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

торов (наблюдательного совета), включая образование в его составе комитетов.

ККУ указывает на желательность создания советом директоров специальных комитетов, в рамках которых могло бы проходить обсуждение ключевых вопросов до их вынесения на заседание совета директоров. В частности, для предварительного рассмотрения вопросов, связанных с контролем за финансово-хозяйственной деятельностью общества, рекомендуется создавать комитет по аудиту, состоящий из независимых директоров. Для предварительного рассмотрения вопросов, связанных с формированием эффективной и прозрачной практики вознаграждения, рекомендуется создавать комитет по вознаграждениям, состоящий из независимых директоров и возглавляемый независимым директором, не являющимся председателем совета директоров. Для предварительного рассмотрения вопросов, связанных с осуществлением кадрового планирования (планирования преемственности), профессиональным составом и эффективностью работы совета директоров, рекомендуется создавать комитет по номинациям (назначениям, кадрам), большинство членов которого должны быть независимыми директорами. С учетом масштабов деятельности и уровня риска обществу рекомендуется создавать иные комитеты совета директоров (комитет по стратегии, комитет по корпоративному управлению, комитет по этике, комитет по управлению рисками, комитет по бюджету и др.)[8].

Базельский комитет по банковскому надзору рекомендует формирование следующих комитетов совета директоров: по управлению рисками, по аудиту, по вознаграждениям, по назначениям, по стратегическому развитию, по корпоративному управлению. *Основная задача перечисленных комитетов* – обеспечить качественную подготовку принятия решений советом директоров в рамках выполняемых им функций[9].

Согласно ст. 10 Закона о банках в уставе кредитной организации должны содержаться сведения о системе органов внутреннего контроля, порядке их образования и полномочиях. В соответствии с п. 2.2. Положения Банка России от 16.12.2003 № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах», внутренний контроль должны осуществлять в соответствии с полномочиями, определенными учредительными и внутренними документами кредитной организации: органы управления кредитной организации, ревизионная комиссия (ревизор), главный бухгалтер (его заместители) кредитной организации, руководитель (его заместители) и главный бухгалтер (его заместители) филиала кредитной организации, подразделения и служащие, осуществляющие внутренний контроль в соответствии с полномочиями, определяемыми внутренними документами кредитной организации, включая: службу внутреннего аудита и службу внутреннего контроля (комплаенс-службу)[10]. Исходя из этого, мы видим, что Законом о банках, а также актами Банка России не определяется четкий перечень необходимых и возможных для создания комитетов и служб (структурных подразделений) в организационной структуре кредитной организации.

Обозначим ещё одну отличительную черту кредитных организаций. В составе совета директоров должно быть достаточное число лиц, способных выносить суждения, независимые от взглядов менеджмента, крупных акционеров или органов власти. Включение в состав совета директоров лиц, не входящих в исполнительный орган банка, либо наличие самостоятельного (отдельного от исполнительного органа) наблюдательного совета или совета аудиторов может способствовать укреплению независимости и объективно-

[8] *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г.* Частное банковское право: учебник. М., 2020. С. 63–64.

[9] Дадашева О.Ю. Корпоративное управление в банках // Управление в кредитной организации. 2012. № 1. С. 42–51.

[10] Положение Банка России от 16.12.2003 № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» // Вестник Банка России. 2004. № 7.

сти. При возникновении внутрикорпоративных проблем квалифицированные «*внешние*» *директора* могут служить дополнительным источником управленческого опыта[11].

В соответствии с п. 2 ст. 66 ФЗ «Об АО» членом совета директоров (наблюдательного совета) общества может быть только физическое лицо. Письмо Банка России от 13.09.2005 № 119-Т «О современных подходах к организации корпоративного управления в кредитных организациях» конкретизирует положение вышеупомянутого закона: «при формировании состава совета директоров (наблюдательного совета) кредитной организации в него могут избираться: физические лица, являющиеся участниками (акционерами), и (или) аффилированные физические лица участников (акционеров) кредитной организации; лицо, исполняющее функции единоличного исполнительного органа, другие члены коллегиального исполнительного органа (исполнительные директора), иные служащие кредитной организации; независимые директора кредитной организации».

Сам ККУ в подп. 2.4.3. рекомендует, чтобы независимые директора составляли не менее одной трети избранного состава совета директоров.

Учитывая специфику сферы деятельности кредитных организаций и необходимость обеспечения финансовой устойчивости кредитных организаций, защиты интересов кредиторов и вкладчиков от необоснованных действий участников (акционеров) кредитной организации, при определении требований, предъявляемых к независимым директорам, Банк России рекомендует также исключить возможность избрания в качестве независимых директоров лиц, которые: являются участниками (акционерами) кредитной организации; являются или являлись в течение 3-х и менее лет, предшествующих дню избрания независимого директора в совет директоров (наблюдательный совет) кредитной организации, аудитором аудиторской организации, осуществлявшей аудит кредитной организации или оказывающей ей сопутствующие аудиту услуги; не имеют образования и опыта работы, позволяющих им оценивать информацию о деятельности кредитной организации и состоянии рыночной среды для вынесения профессиональных суждений в сфере банковской деятельности вне зависимости от мнений участников (акционеров), исполнительных органов, служащих и других членов совета директоров (наблюдательного совета) кредитной организации.

Так, в случае создания в совете директоров (наблюдательном совете) тематических комитетов целесообразно избирать в их состав независимых директоров, имеющих опыт работы в соответствующих областях (в частности, в комитет по аудиту – с опытом работы в области бухгалтерского учета или аудиторской деятельности, в комитет по стратегическому планированию – с опытом работы в области стратегического планирования и так далее)[12].

Таким образом, корпоративное управление в кредитных организациях отличается от других организаций тем, что совет директоров должен принимать во внимание интересы не только акционеров, но и кредиторов, вкладчиков, регуляторов и стейкхолдеров, а также фактом высокого уровня регулирования со стороны государства, что обусловлено особым значением кредитных организаций в экономической системе государства. Кроме того, стоит отметить, что в ряде случаев совет директоров кредитной организации больше, в том числе и по причине того, что в совет директоров кредитной организации входит большее число независимых директоров и несколько специализированных комитетов[13]. На основании вышеизложен-

[11] Письмо Банка России «О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору «Совершенствование корпоративного управления в кредитных организациях» // Вестник Банка России. 2001. № 46.

[12] Письмо Банка России от 13.09.2005 № 119-Т «О современных подходах к организации корпоративного управления в кредитных организациях» // Вестник Банка России. 2005. № 50.

[13] *Голованов Л.А.* К вопросу об особенностях корпоративного управления в кредитных организациях // Юрист. 2016. № 14. С. 20-23.

ного предлагается закрепить в Законе о банках порядок формирования (образования) структурных подразделений кредитной организации (комитетов и служб), а именно саму процедуру принятия советом директоров (наблюдательным советом) решения о создании того или иного комитета, далее необходимо предусмотреть непосредственно конкретные полномочия каждого из создаваемых комитетов (например, к полномочиям *комитета по аудиту* следует отнести контроль за обеспечением полноты, точности и достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности и консолидированной финансовой отчетности кредитной организации; анализ существенных аспектов учетной политики кредитной организации[14]), а также установить перечень обязательных и факультативных структурных подразделений кредитной организации. Помимо этого, следует урегулировать вопрос, связанный с предъявляемыми квалификационными требованиями (образование, стаж работы в конкретной сфере деятельности) и иными требованиями к самим лицам, назначаемым независимыми директорами, порядком их назначения и полномочиями, обобщив нормативные акты Банка России и проанализировав структуру действующих кредитных организаций.

[14] Письмо Банка России от 15.09.2016 № ИН-015-52/66 «О положениях о совете директоров и о комитетах совета директоров публичного акционерного общества» // Вестник Банка России. 2016. № 85.

УДК 349.6

К ПОНЯТИЮ О ВИДАХ И СОСТАВЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бондаренко П. К.
студент 4 курса РГУП

Правовое регулирование охраны окружающей среды, взятое в целом, представляет собой довольно сложную динамическую систему. Одним из элементов которой является юридическая ответственность лиц в случае отклонения их от правовых экологических требований[1].

Следует отметить, что первоначально термин «экологическое правонарушение» был закреплен в ПП ВС СССР от 07.07.1983 г. № 4 «О практике применения судами законодательства об охране природы»[2]. Как отмечает В. И. Ивакин, в своей научной статье «Понятие и состав экологического правонарушения», в названном документе проводилось разграничение между экологическим преступлением и экологическими правонарушениями. При этом, под последними понимались только административные экологические проступки[3].

В последующем легитимное определение понятия экологического правонарушения, как отмечает в своей работе профессор О. Л. Дубовик, впервые в отечественной законодательной практике было дано в ст. 81 Закона РСФСР от 19.12.1991 г. «Об охране окружающей природной среды»[4]. Указанная норма гласила, что экологическое правонарушение — это виновное, противоправное деяние, нарушающее природоохранительное законодательство и причиняющее вред окружающей природной среде и здоровью человека[5].

В свою очередь, авторы научно-практического комментария к ФЗ «Об охране окружающей среды» под экологическим правонарушением понимают запрещённое эколого-правовыми нормами РФ и её субъектами под угрозой применения мер юридической ответственности виновное деяние, посягающее на конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду. При этом, как отмечают учёные, деяние причиняет вред природной среде (отдельным её объектам) либо содержит реальную угрозу его причинения[6].

Своеобразное, весьма интересное и отличное от других понятий определение данной категории даёт профессор А. К. Голиченков. По мнению учёного, экологическое правонарушение, как разновидность правонарушения, представляет собой конституционный родовой термин (ст. 42 Конституции РФ), обозначающий нарушение правовых норм, регулирующих экологические общественные отношения[7].

---

[1] *Вершило Н. Д.* Эффективность юридической ответственности за нарушение законодательства о недрах. М., 2019. С. 5–6.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 07.07.1983 г. № 4 «О практике применения судами законодательства об охране природы». URL: https://base. garant. ru/10107891/ (дата обращения: 01.06.2021).

[3] *Ивакин В. И.* Понятие и состав экологического правонарушения // Право и государство: теория и практика. 2007. № 11. С. 83.

[4] *Дубовик О. Л., Чолтян Л. Н.* Экологическое право в вопросах и ответах: Учебное пособие. М., 2017. С. 163.

[5] Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060–1 (ред. от 10.01.2002) «Об охране окружающей природной среды» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10. ст. 81.

[6] *Анисимов А. П.* Научно-практический комментарий к Федеральному закону РФ «Об охране окружающей среды». Волгоград, 2005. С. 431.

[7] *Дубовик О. Л.* Экологическое право. Элементарный курс. М., 2002. С. 152.

По мнению Э. Н. Жевлакова, экологическое правонарушение — это общественно-опасное, виновное, запрещённое законодательством под угрозой наказания деяние, направленное на причинение вреда отношениям в сфере экологии[8].

Проанализировав данные доктринальные определения этого понятия, на наш взгляд, следует согласиться с позицией М. М. Бринчука по данному вопросу, который считает, что экологическое правонарушение — это противоправное, как правило, виновное деяние (действие или бездействие), совершаемое праводееспособным субъектом, причиняющее или несущее реальную угрозу причинения экологического вреда либо нарушающее права и законные интересы субъектов экологического права[9].

К сожалению, в принятом в 2002 г. Федеральном законе «Об охране окружающей среды»[10] уже нет определения данного понятия, но как правовая категория «экологическое правонарушение» содержится в ст. 42 Конституции РФ. Поэтому следует на законодательном уровне данное понятие закрепить, внеся дополнение и изменение в действующий Федеральный закон «Об охране окружающей среды».

Рассматривая в свою очередь состав экологического правонарушения, следует обратить внимание, что объектом экологических правонарушений являются отношения в области окружающей среды и природопользования, урегулированные нормами экологического права. Объективная сторона экологического правонарушения представляет собой действие или бездействие, посягающее на окружающую природную среду, защита которой осуществляется соответствующими правовыми актами. Субъектами экологических правонарушений являются физические, должностные и юридические лица, а также лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Такие лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, несут административную ответственность за совершение экологических правонарушений, предусмотренных ст. 8.2, 8.3, 8.6, 8.12, 8.13, 8.14 КоАП. По российскому законодательству юридические лица могут привлекаться только к административной и гражданско-правовой ответственности. Субъективную сторону экологических правонарушений составляют вина в форме умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности. Но следует разграничивать проступок и преступление.

Определение экологического преступления впервые на законодательном уровне было дано в ст. 85 Закона РФ 1991 г. «Об охране окружающей природной среды». Под ним понималось общественно-опасное деяние, посягающее на установленный в РФ экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющее вред окружающей природной среде и здоровью человека, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Общественная опасность экологических преступлений заключается в том, что оно посягает на человека через природу, посредством уничтожения или качественного ухудшения биологической основы его существования.

То есть, экологические преступления нарушают закреплённое в ст. 42 Конституции РФ право человека на благоприятную окружающую среду. Непосредственными объектами экологических преступлений выступают общественные отношения по охране и рациональному использованию отдельных видов природных ресурсов и обеспечению экологической безопасности населения.

Рассмотрим состав экологического преступления. Объектом экологических преступлений является экологическая безопасность. Пленум ВС в своем постановлении от 05.11.1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические пра-

[8] *Жевлаков Э. Н.* Экологические правонарушения и ответственность. М., 2012. С. 77.
[9] *Эриашвили Н. Д., Трунцевский Ю. В., Курочкина В. В.* Экологическое право: Учебник М., 2004. С. 163.
[10] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. № 6.

вонарушения» к объектам экологических правонарушений относит: стабильность окружающей среды, природно-ресурсный потенциал и гарантированное Конституцией РФ право каждого на благоприятную окружающую среду[11]. Однако стоит отметить, что данное Постановление утратило свою силу, с принятием более позднего ПП ВС. Итак, в ПП ВС от 18.10.2012 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» нет четкого перечня элементов, которые Пленум мог отнести к объектам экологических правонарушений в отличие от предыдущего Постановления. В частности, в п. 1 Постановления речь идет лишь о важности правильного применения судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, так как лишь благодаря такому подходу будет соблюдаться ст. 42 Конституции РФ, где закреплено право каждого на благоприятную окружающую среду[12]. Объективная сторона экологических преступлений характеризуется как совершением действий (незаконная добыча водных биологических ресурсов ст. 256 УК РФ), так и бездействий. В ряде составов экологических преступлений признаками объективной стороны выступают место совершения преступления (незаконная охота на особо охраняемой территории п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ), орудия или средства совершения преступления (незаконная добыча водных биологических ресурсов с применением взрывчатых или химических веществ п. «б» ч. 1 ст. 256 УК РФ). Субъектом экологических преступлений являются граждане РФ, все физические лица, за исключением тех, кто наделен правом неприкосновенности. Субъективная сторона большинства экологических преступлений характеризуется как умышленной, так и неосторожной виной (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ ст. 246 УК РФ). Некоторые экологические преступления совершаются только по неосторожности (нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений ст. 249 УК РФ). Стоит отметить «раздвоение вины», когда основной состав характеризуется умышленной виной, а квалифицированный — неосторожной виной (загрязнение вод, повлекшее по неосторожности смерть человека ч. 3 ст. 250 УК РФ).

Н. А. Лопашенко подразделяет все экологические преступления на 2 вида: посягательства на общественные отношения по реализации и охране права каждого на благоприятную окружающую среду (ст. 246–248 УК РФ) и посягательства на общественные отношения по охране стабильности окружающей среды и ее природно-ресурсного потенциала (ст. 249–262 УК РФ)[13].

Посягательства на общественные отношения по охране стабильности окружающей среды и ее природно-ресурсного потенциала, по мнению автора, дополнительно делятся на следующие виды преступлений: посягательства на животный мир (ч. 1 ст. 249, ст. 256–258 УК РФ); посягательства на растительный мир (ч. 2 ст. 249, ст. 260, 261 УК РФ); посягательства на воды (ст. 250, 252 УК); посягательства на атмосферу (ст. 251 УК РФ); посягательства на особо охраняемые территории и акватории, природные объекты (ст. 253, 259, 262 УК РФ); посягательства на землю (ст. 254 УК РФ); посягательства на недра (ст. 255 УК РФ).

Совершенно иначе подходит к рассмотрению вопроса о видах преступлений О. Л. Дубовик, ей предлагается выделить следующие виды: преступления, состоящие в нарушении правил экологически значимой деятельности (ст. 246–248 УК РФ); преступления, посягающие на отдельные компоненты окружающей среды — воды,

[11] Постановление Пленума ВС РФ от 05.11.1998 № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» // Российская газета. 1998. № 223.

[12] Постановление Пленума ВС РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. 2012. № 251.

[13] *Лопашенко Н. А.* Экологические преступления. Комментарий к главе 26 УК РФ. СПб., 2002. С. 39.

атмосферу, почвы, леса, недра, морскую среду, континентальный шельф, исключительную экономическую зону РФ (ст. 250–255 УК РФ); преступления, посягающие на объекты флоры и фауны как составную часть окружающей среды, условия биологического разнообразия и сохранения биосферы Земли (ст. 249, 256–262 УК РФ)[14].

Достаточное количество стран Европы присоединилось к Конвенции «О защите окружающей среды посредством уголовного законодательства» (14 стран подписали конвенцию из 47). Россия не подписала международно-правовой акт, но конкретизация некоторых уголовно-правовых запретов осуществляется с привлечением международных договоров в сфере экологии, который Россия подписала и ратифицировала (загрязнение морской среды ст. 252 УК). Здесь участвуют Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г., ст. 14, 15 Водного Кодекса по вопросу внутренних морских вод, ст. 5 ФЗ «О государственной границе РФ» по вопросам прибрежных морских вод шириной 12 морских миль.

Таким образом, рассмотрев позиции авторитетных ученых в сфере экологического права, на наш взгляд, можно прийти к выводу о том, что зачастую происходит выхолащивание природоохранных норм из действующего законодательства. По крайней мере, хотелось бы выделить один из основных моментов — отсутствие основной терминологии в действующем законодательстве, а в целях его совершенствования представляется целесообразным не только внесение определения термина «экологическое правонарушение» в Федеральный закон, но и необходимо уменьшение составов экологических правонарушений, содержащихся в КоАП РФ, имеющих отсылочный и бланкетный характер. А некоторые статьи УК РФ необходимо, по нашему мнению, дополнить новыми видами наказаний — конфискацией имущества и возложением возмещения вреда в натуральной форме.

[14] *Кудрявцев В. Н., Наумов А. В.* Курс российского уголовного права. Особенная часть. М., 2002. С. 705.

УДК 81

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Лебедева П. М.
студентка 2 курса РГУП

Защита чести, достоинства и деловой репутации — крайне важная составляющая нашей жизни. К сожалению, законодательство не дает четкого определения понятиям «честь», «достоинство», «деловая репутация». Но, статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации соблюдение прав граждан данных категорий защищается законом.

Нематериальные блага — свободы и права неэкономического содержания. К ним относятся честь, достоинство, деловая репутация. Эти блага не могут передаваться иным лицам, так как принадлежат человеку с момента рождения, то есть, не отделены от личности, а организациям — с момента основания. Указанные понятия находятся в одной категории и различаются только в подходе. Их объектом является человек или группа людей.

В. Н. Додонов отмечает, что «Честь — категория, означающая моральную оценку человека обществом, а также самооценку»[1]. «Достоинство — морально-нравственная категория, означающая уважение и самоуважение человеческой личности»[2].

По моему мнению, честь — морально-этическая оценка качеств личности обществом, является объективным результатом деятельности и поступков. Достоинство — внутренняя субъективная оценка личности своих качеств, способностей и значения в обществе.

Рафиева Л. К. отмечала: «честь и достоинство формируются в процессе и по мере развития общественной деятельности человека и способности к самостоятельной оценке этой деятельности, а не возникают в момент рождения»[3]. Таким образом, достоинство и честь — неразрывные понятия и проявляются в том, что, находясь в обществе, адекватный гражданин не может не считаться с правом окружающих его людей. Из всего этого в сознании человека складывается представление о себе.

Деловая репутация напрямую связана с честью и достоинством, но относится чаще всего к юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям. Она имеет важное значение в положении организации на рынке. По мнению М. Н. Малеиной, под деловой репутацией следует понимать совокупность качеств и оценок, «с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе и персонифицируется среди других профессионалов в этой области»[4].

Сегодня количество исков о защите деловой репутации значительно возросло.

«В 2019 г. апелляционный суд рассмотрел 8617 дел, из них 7 дел — о защите деловой репутации … В 2020 г. суд рассмотрел 8001

---

[1] *Додонов В. Н.* Большой юридический словарь. М., 2001. С. 606.

[2] Там же. С. 163.

[3] *Рафиева Л. К.* Честь и достоинство как правовые категории // Известия высших учебных заведений. Ленинград. 1966. № 2. С. 57.

[4] *Малеина М. Н.* Защита чести, достоинства и деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. М., 1993. №23–24. С. 16.

дело, из них 7 дел — о защите деловой репутации… В период с 01.01.2021 по 31.05.2021 апелляционный суд рассмотрел 3242 дела, из них 3 дела — о защите деловой репутации»[5]. Способы снижения деловой репутации, такие как, например, клевета стали все чаще использоваться «нечистыми на руку» конкурентами. Однако в соответствии с Конституцией Российской Федерации, если форма высказывания оскорбительно неприлична, то оскорбивший может быть привлечен к уголовной ответственности по статье 128.1. Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Виды возможных посягательств на честь, достоинство и деловую репутацию закреплены в Кодексах, в соответствии с уголовным и гражданским правом. Например, в ст. 152 ГК РФ обозначены случаи, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина распространяются через документ, исходящий от организации, в средствах массовой информации, в сети «Интернет». Существуют следующие посягательства:

- диффамация — распространение ложной информации, порочащей репутацию. Это может быть, например, публикация в печати, трансляция по телевидению, а также размещение сведений в сети Интернет заведомо недостоверной информации о каком-то человеке;
- оскорбление — представляет собой унижение чести и достоинства лица, проявляющееся в неприличной форме, например, унижение национального достоинства или грубые высказывания о внешности;
- клевета — распространение сведений, которые порочат репутацию других лиц. Например, расклеивание бумажных листовок со сведениями о том, что какое-либо конкретное лицо является мошенником или публикация в социальных сетях информации с обвинением в экономических преступлениях. Разница с диффамацией в том, что при ней умаление достоинства происходит путем распространения ложных сведений об организации или предпринимателе, а при оскорблении и клевете негативное влияние направляет на личные качества;
- изложение лживых и порочащих сведений в служебных характеристиках, в устном или письменном в сообщениях. Например, обвинение в профессиональной недобросовестности.

Названные виды посягательств относятся к речевой агрессии и формулируются с помощью языковых средств: от непосредственной бранной (обсценной) лексики к менее заметным маркерам конфликтной коммуникации — оценочного компонента лексического значения.

К активной прямой речевой агрессии относится использование обсценной лексики. Обсценная лексика (от лат. obscenus «непристойный, распутный, безнравственный») — непечатная брань, нецензурная лексика, включающая вульгарные, грубые слова[6].

Бранные слова выражают спонтанную речевую реакцию на ситуацию фрустрации. Одной из разновидностей такой лексики является мат[7].

Следовательно, именно порочащие сведения являются условиями покушения на репутацию независимо от способа распространения. Заметим также, что абсолютные критерии порочащих сведений законодательно не установлены и вряд ли в будущем смогут быть определены, так как мораль — неустойчивая категория в социуме, и может, как учитываться, так и не учитываться.

---

[5] Справка о результатах обобщения судебной практики по разрешению споров, связанных с применением норм, регулирующих отношения по компенсации морального вреда и защите деловой репутации / Утверждено Постановлением Президиума Четвертого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2021 № 19. URL: https://4aas. arbitr. ru/sites/4aas. arbitr. ru/files/pdf/ (дата обращения: 10.02.2021).

[6] *Шарифуллин Б. Я.* Обсценная лексика: терминологические заметки. Красноярск, 2000. Вып. 1 (9). С. 108–111.

[7] *Брадецкая И. Г., Фысина У. Н.* Юридическая лингвистика: учебное пособие. М.: РГУП, 2021. С. 36.

При этом Верховный Суд РФ указал: «Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица»[8].

Основным способом защиты и восстановления чести, достоинства и деловой репутации является обращение в суд для применения гражданско-правовых мер, которые предусматриваются ст. 152 ГК РФ. А именно, гражданин, в отношении которого в средствах массовой информации распространены порочащие сведения, вправе потребовать опровержения и опубликования своего ответа в тех же средствах массовой информации. Если такие сведения содержатся в документе, исходящем от организации, то он подлежит замене или отзыву. В случае невозможности доведения опровержения до общественности, гражданин имеет право требовать удаления данной информации, пресечения или запрещения дальнейшего распространения путем изъятия и уничтожения. При опубликовании порочащих сведений, доступных в сети «Интернет», гражданин может запросить их ликвидацию и опровержение.

Судебное воздействие может быть осуществлено только после обращения самого потерпевшего с заявлением о нарушениях прав. В этой ситуации судом, в зависимости от тяжести нарушения, могут быть применены к ответчику меры уголовного и гражданского законодательства.

Наличие правовых норм предполагает ответственность автора за применение языковой агрессии и позволяет выдвинуть предположение о возможности приравнивания речевых действий, входящих в юрисдикцию законов, к деяниям других различных типов, ведущих к необходимости юридического вмешательства. Юридическое наказание за оскорбление, клевету и прочее проявление языковой агрессии предусмотрено ст. 5.61 КоАП, 128.1 и 282 УК РФ и пр[9].

До обращения в суд лица можно попытаться защитить свои права самостоятельно. Для этого существуют метод замены или отзыва документа, который находится в организации. Любой документ, выданный компанией и имеющий ложные порочащие сведения, отзывается ею и взамен выдается опровергающий эти сведения документ. Так, например, компания выдавшая работнику не соответствующую действительности характеристику, должна оформить правдивый документ, заверить его подписью и печатью и передать работнику лично.

В случае если данный метод не привел к необходимому результату, то пострадавшее лицо имеет право обратиться в суд с иском к лицу, нарушившему закон. Так, например, в описываемом выше случае, если организация отказывает работнику в выдаче соответствующей характеристики, то работник имеет право обратиться в суд с признанием данной характеристики ложной и порочащей, что в дальнейшем может негативно повлиять на трудоустройство. При невыполнении требований суд вправе наложить штраф на компанию, в размере до 50000 руб. с постановлением предоставить опровергающий документ. Согласно Российскому законодательству, потерпевший вправе требовать возмещения ущерба. Как уже указывалось, деловая репутация законодательством рассматривается как нематериальное благо. Юридическое лицо является владельцем деловой репутации,

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 2005. № 50.

[9] *Брадецкая И. Г., Фысина У. Н.* Указ. соч. С. 32.

но в отличие от физического, не вправе требовать в суде возмещения морального вреда. Это обусловлено тем, что юридическое лицо искусственно образованный субъект, который не способен к нравственным переживаниям.

При нарушении данных нематериальных благ юридическое лицо вправе требовать по суду только опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший их не докажет, что они являются правдивыми.

Тем временем, согласно п. 9 ст. 152 ГК РФ: «Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, наряду с опровержением таких сведений или опубликованием своего ответа вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений»[10].

Нередко суд признает мировое соглашение, достижением обоюдного согласия и принесения извинений ответчиком сразу же в зале суда. Необходимость экспертиз (например, лингвистических) при рассмотрении дела в суде является значимым аспектом. Важно помнить, что не каждая информация — правонарушение, влекущее гражданскую или уголовную правовую ответственность в соответствии с законами Российской Федерации.

Основываясь на разъяснениях п. 6 «Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации», утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ от 16.03.2016, при рассмотрении вопроса о том, являются ли обжалованные истцом сведения порочащими, а также для анализа их понимания судам в вынужденных ситуациях необходимо назначать экспертизу (например, лингвистическую) или приглашать специалиста для консультации. Заметим, что высший судебный орган обозначил: «…содержащиеся в оспариваемых высказываниях ответчиков оценочные суждения, мнения, убеждения не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, если только они не носят оскорбительный характер»[11].

Это свидетельствует о том, что суд основывается не только на сведениях, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию заявителя, а выносит решение, учитывая тщательную и точную предварительную проверку и экспертный анализ.

Сложнейшей лингво-юридической проблемой является определение инвективности текста. Инвектива (от лат. *invectivus* — бранный, ругательный) — резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительная речь. Автор изощренного оскорбления может уйти от ответственности, сославшись на то, что он не имел в виду оскорбления, что его не так поняли. Оскорбленный же, как правило, имеет возможность «выбора»: интерпретировать выражение либо в обидном, либо в необидном для себя смысле, и обоснованность его реакций — сложнейший и неизведанный предмет науки.

Таким образом, защита чести, достоинства и деловой репутации охраняется законодательством Российской Федерации. Оно предоставляет потерпевшей стороне разные способы защиты этих субъективных категорий. Но любое такое посягательство надо профессионально доказать. Также стоит отметить, что такая защита зачастую просто невозможна без лингвистического анализа текста.

---

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

[11] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

УДК 81

ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ВРАЖДЫ В НОМИНАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

Сизова К. В.
Марчук Т. Е.
студентки 3 курса РГУП

Современное коммуникативное пространство изобилует нарушением норм литературного языка, использованием грубых и просторечных форм, проявлением речевой агрессии. Именно состоянием дискурса обусловлена актуальность темы данной работы: необходимостью разработки юридических норм речи, защиты литературной нормы, разработок правил разрешения конфликтного функционирования языка.

Объектом нашего исследования является проявление речевой агрессии и ее определение юридической нормой. Предметом стали наименования этносов — этнофолизмы. В своей работе мы рассматриваем понятие этнофолизма, изучаем частотность использования таких слов и отношение к ним в студенческой среде. Особый интерес для нас представляют прецеденты правоприменения, связанные с использованием подобных наименований этносов. В дальнейшем данные исследования можно будет применить для разработки правил разрешения конфликтных коммуникативных ситуаций, а также повышения уровня языково-правового сознания граждан.

Для достижения поставленной цели нами решены следующие задачи: описание цели и задач юридической лингвистики, ее предмета и объекта; определение понятий «язык вражды», «этноним», «этнофолизм»; проведение опроса среди студентов; изучение использования этнофолизмов в соцсетях.

Общую методологическую основу исследования составляют: анализ, наблюдение, описание, сравнение, обобщение, опрос.

Итак, юрислингвистика — формирующая научная дисциплина, изучающая взаимоотношения языка и права. Она рассматривает проблемы языкового взаимодействия людей сквозь призму закона, отталкиваясь от всех юридических проявлений в жизни общества. Результатами исследований юрислингвистики пользуется лингвистическая экспертиза, анализирующая конфликты, в том числе и связанные с разжиганием межнациональной и религиозной розни[1].

«Языком вражды» может быть любая форма выражения, расценивающаяся как оскорбительная для расовых, этнических, религиозных групп и других меньшинств. Одним из важнейших языковых средств его формирования является лексика. К признакам «языка вражды» относятся лексические единицы, отражающие релевантность для говорящих оппозиции «свой — чужой» — *этнонимы*[2].

В лингвистике различают следующие виды этнонимов:

[1] Юрислингвистика. Ассоциации лингвистов-экспертов Юга России. URL: http://www.ling-expert.ru/library/slovar/linglaw.html (дата обращения: 12.11.2020).

[2] *Балова И. М., Будалова Л. А., Щербань Г. Е.* Трудности проведения экспертизы текстов, содержащих этнофолизмы // Сб. статей по материалам VI Международной конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/balova-budajeva-scherban.html (дата обращения: 28.10.2020).

- нейтральные, характерные для литературного языка, употребляющиеся в официально-деловом общении, не носящие оценочного характера (например: англичанин, русский, француз);
- экспрессивные, зачастую носящие эмоционально-оценочный характер и сформированные на основе стереотипных представлений о разных народах. Их называют этнофолизмы (например: лягушатник, жид, черный). Этнофолизмы выражают интолерантность[3] по отношению к носителям иной системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических ценностей. Именно эта группа этнонимов является конфликтогенной в современной коммуникации и нередко становится предметом изучения юридической лингвистики, а затем уже и предметом рассмотрения лингвистической экспертизой.

В нашем исследовании мы рассматриваем наименования представителей разных этносов с негативной коннотацией, распространенные в жаргонах, просторечии, разговорной речи, а также активно проникающие и в публичный дискурс (литературный язык): *жид, черный, белый, узкоглазый, бульбаш* и пр. Хочется отметить, что данное явление не является признаком только современного русского языка: подобное обозначение разного рода идентичности исследователи отмечают и в истории русского языка, и в истории других языков[41].

По степени жесткости коннотации могут быть различными: от иронично-пренебрежительных до уничижительных, презрительных, бранных. Так, существует этнофолизм «хохол» («хохлушка») — уничижительное, иногда шутливое прозвище украинцев. «Словарь современного русского литературного языка», изданный в 1965 г., утверждает, что хохол — «название украинца, первоначально уничижительное, затем шутливое, фамильярное». Важно, что не все украинцы считают наименование оскорбительным. Некоторые группы украинских переселенцев в XIX в. нередко использовали слово «хохол» в качестве этнонима-самоназвания, указывающего на отличие от великороссов.

Если со словом «хохол» все неопределенно, то, например, со словом «чурка» ситуация яснее. Обидное прозвище «чурка» (полная версия — чуркестанец) придумали для обозначения всех нерусских. Интересно, что в былине «чуркой неотесанной» Илья Муромец нарекает Идолище Поганое — мифологического врага богатырей, вражескую темную силу, «татарщину». В СССР «чуркестаном» называли все среднеазиатские республики, соответственно, чурка — человек, плохо владеющий русским языком. Это и привело к закреплению неприятного прозвища.

Таким образом, многое зависит также от контекста., поэтому не все этнофолизмы заставляют представителей разных народностей чувствовать себя униженными или оскорбленными. Слово «чурка» носит чаще враждебный характер, когда «хохол» — иногда шуточный, иногда нейтральный и лишь порой такой же враждебный, хотя оба слова являются так или иначе лексической единицей «языка вражды». Но слово «чурка» более обобщенное и здесь сильнее проявляется проблема разъединения народов, разделения на «свой» — «чужой», т. к. «чурками» называют любого нерусского человека.

В Конституции РФ в ст. 29 говорится о свободе слова[5]. Однако она не означает абсолютную вседозволенность. Так, использование этнофолизмов контролируется зако-

[3] *Тонтоева Т. В.* Этнофолизмы как индикаторы динамики этнической идентичности // Juvenis scientia. 2016. № 2. С. 97–100.

[4] *Набок И. Л.* Этноним в межэтнической коммуникации // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011 (5). С. 59–64.

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2020. № 31. ст. 4398.

ном, а именно ст. 282 УК РФ[6] и 20.3.1 КоАП РФ[7]. Мы нашли комментарии незнакомцев из социальных сетей, которые даже не подозревают, что своими действиями нарушают закон РФ. На сегодняшний день Интернет является общедоступным информационным пространством, которое дает возможность любому его пользователю принимать непосредственное участие в обсуждении злободневных тем и вопросов, а также делиться воззрениями и мыслями. Однако встречаются случаи, когда правила речевого этикета нарушаются и наносятся умышленные оскорбления.

Комментарий с этнофолизмом «*Что этот макаронник себе позволяет?*» был опубликован как ответ на заявление бывшего главного тренера футбольного клуба «Зенит» Роберто Манчини о решении не включать нескольких российских футболистов в состав команды. Этнофолизм в комментарии «*Фрицов за один Ленинград надо было с лица земли стереть*» выступает в качестве эффективного средства разжигания межнациональной розни. Конкретная экспрессивная номинация немцев «фрицы» направлена в данной ситуации не только на оскорбление объекта, но также призвана настроить окружающих против данного этноса, выражая гнев, отвращение и оскорбляя национальное достоинство всей этнической группы. Иные примеры комментариев, найденных в социальных сетях, содержащих в себе этнофолизмы уничижительного содержания: «*Катитесь в ад, проклятые янки!*; «*Сергей, нет, просто салоеды не люди!*»; «*Да кто ему слово давал этому нигеру!?..*»; «*Грачи в смысле кавказцы? Если птицы то давно уж прилетели*»; «*на рынке в ларьках одни хачики*».

Таким образом, за последние годы Интернет стал особой сферой проявления речевой агрессии из-за свободного выражения людьми своих мыслей, анонимности пользователей, а также нарушения речевых и морально-нравственных норм[8]. Анонимность, безусловно, снимает ответственность за употребление высказываний, которые носят агрессивный характер, и позволяет пользователю избежать заслуженного наказания и осуждения.

Мы можем привести пример привлечения к административной ответственности за использование слово «чурка» в социальных сетях. Городской суд Нижнекамска признал местного жителя виновным в унижении человеческого достоинства за опубликованный во «ВКонтакте» комментарий: «*Все что они могут это создать шум и показуху, т. к. рабочими местами снабдят малый процент населения НК и завезут чурок турок и остальную шваль, еще и налогами практически не обложены*». Мужчина в судебном заседании вину признал и удалил комментарий. По его словам, он не знал, что размещенные им материалы являются экстремистскими. Он понес административное наказание[9].

Этот прецедент показывает, что обыденное сознание, низкая речевая культура правонарушителя, незнание правовой нормы в отношении использования этнофолизма, не освободили его от действия закона.

В качестве исследовательской части работы мы провели опрос среди студентов РГУП. В нем приняло участие 50 человек в возрасте от 16 до 20 лет. Эта группа выбрана нами не случайно. Во-первых, это категория с наибольшей вероятностью может использовать в своей речи этнофолизмы.

---

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. 1996. № 25. ст. 2954.

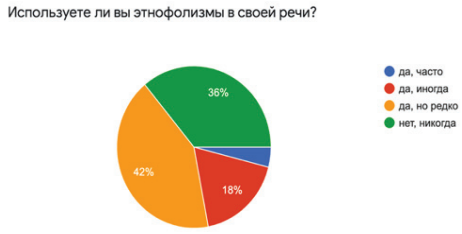
[7] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). ст. 1.

[8] *Атаянц Д. Л., Меликян В. Ю.* Функционирование этнофолизмов в Интернет-дискурсе // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». URL: http://www. ling — expert. ru/conference/langlaw9/atayants — 2019. html (дата обращения: 12.11.2020).

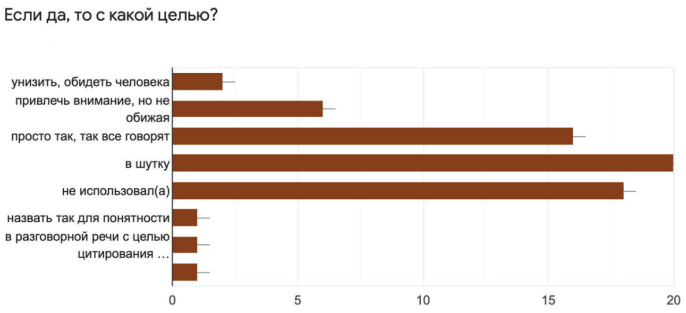
[9] Официальный сайт Нижнекамского городского суда республики Татарстан. URL: http://nizhnekamsky. tat. sudrf. ru/modules. php?name=sdp2_cases#id=2_961cf61dc4075e5eb97f27f4698f75ec&shard=r16&from=p&r=%7B%22dateValue%22:%2201.11.2019%22%7D (дата обращения: 12.11.2020).

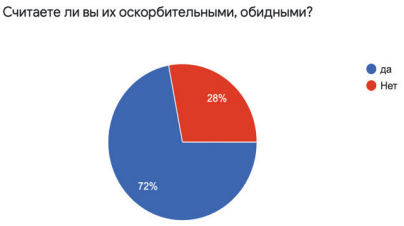
И нам интересно выявить их эмоциональное отношение к словам-конфликтогенам. Во-вторых, категория студентов еще не получила юридическое образование и не обладает знаниями в области правоприменения, а значит ответы являются усредненными и отражают типичное мнение непрофессионального сообщества. Результаты опроса:

Итак, в современном обществе усугубляется проблема, связанная с тем, что люди

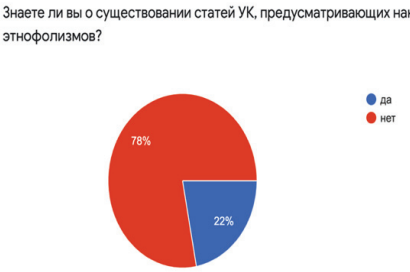

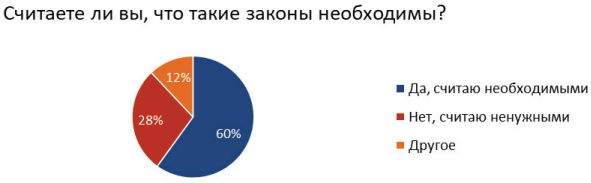

все чаще используют этнофолизмы в своей речи, что нередко приводит к конфликтам. А непредсказуемые последствия языковой вражды требуют пристального внимания со стороны государства. Из нашей работы можно сделать вывод, что этнофолизмы являются одним из первичных источников этнических конфликтов. Поэтому их использование необходимо контролировать законом.

УДК 81

АРХАИЗМЫ: ПЕРЕЖИТОК ПРОШЛОГО ИЛИ АКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ?

Тихон А. В.
Курникова А. А.
студентки 1 курса РГУП

Словарный состав языка не является чем-то застывшим, неизменным. На протяжении веков трансформировалась звуковая система, происходили изменения в грамматике и лексике. Особенно они заметны в эпоху различных общественных, социальных преобразований, в период бурных перемен в жизни общества. Изменения носят двойственный характер: с одной стороны, словарный состав обогащается новыми словами, с другой, освобождается от ненужных на данном этапе элементов.

Поэтому в языке существует два пласта — активная и пассивная лексика. Термин «активный и пассивный запас» ввел в лексикографическую практику известный лингвист Л. В. Щерба[1]. Он считал, что к активной лексике относятся те слова, которые актуальны для современного этапа, слова, которые отвечают требованиям современности и не имеют признаков старины или новизны, а пассивный состав составляют слова, которые вышли из употребления ввиду своей несовременности, неактуальности, и новые слова, не утратившие еще признак необычности и новизны.

Слова, которые вышли или выходят из активного запаса в силу их редкого употребления, называются устаревшими словами. Эти слова, в свою очередь, тоже различаются. Выделяют историзмы и архаизмы. Историзмы — это слова, исчезнувшие из речи ввиду исчезновения понятий, которые они обозначают, а архаизмы — это, по определению С. И. Ожегова, «устаревшие слова, обороты речи или грамматические формы»[2]. Архаизмы — названия существующих в реальной действительности предметов и явлений, по каким-либо причинам вытесненных синонимами активной лексики. В толковых словарях они приводятся с пометкой «устар.» (устаревшее).

Степень архаичности слов, по мнению Николая Максимовича Шанского, одного из крупнейших специалистов по истории русского языка, определяется рядом факторов, среди которых наиболее важными являются: 1) место данного слова с соответствующим значением в номинативной системе общенародного языка; 2) первоначальная распространенность слова и длительность употребления в качестве факта активного словаря; 3) наличие или отсутствие ясной и непосредственной связи с родственными словами.

Современному человеку нелегко понять смысл архаизмов, однако в юридической *хитрогласнице*, т. е. риторике, эти «пережитки старины»[3] встречаются нередко, осложняя восприятие информации. Исследуя проблему архаизмов в юридическом языке, можно научиться не только видеть их, но и успешно заменять синонимами, раскрывать смысл слова. Такое умение усовершенствует речь юристов, что пойдет им только на пользу, так как грамотное говорение и письмо всегда актуально.

Объект нашего исследования — процесс архаизации отдельных слов в лексике русского языка, а предмет исследования — ар-

[1] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. URL: http://www. ruthenia. ru/apr/textes/ sherba/sherba9. htm (дата обращения: 19.01.2022).

[2] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. URL: https://slovarozhegova. ru/word. php?wordid=713 (дата обращения: 19.01.2022).

[3] *Ожегов С. И.* Указ. соч.

хаизмы, утратившие свою силу, и, наоборот, активно используемые в речи юристов.

Цель данного исследования — обосновать причины явления, сущность которого заключается в том, что одни архаизмы никогда не употребляются в современной речи, а другие появляются довольно часто. Исходя из цели, нами были обозначены задачи исследования: 1) проанализировать законодательные акты России с древнейших времен до наших дней; 2) изучить научную литературу, посвященную архаизмам в современном юридическом языке; 3) систематизировать и обобщить собранные материалы.

Известный лингвист Людмила Яковлевна Ковалдо выделяет абсолютные и относительные архаизмы. Первые во всех стилях речи производят впечатление глубокой старины, вторые могут быть архаичными или неархаичными в зависимости от стиля речи. Так, слово *карать* естественно звучит в юриспруденции, но напыщенно в разговоре. Судья провозглашает приговор именем республики, но нельзя сказать: «Именем Марии Васильевны прошу вас это сделать»[4].

Абсолютные архаизмы, например, слова *послух, видок, татьба* не удастся встретить в современной речи. Вместо них всегда употребляются синонимы, и поэтому современный человек не поймет значение этих слов. Но почему эти слова стали абсолютными архаизмами? Попробуем разобраться.

В своей работе «О значении терминов «видоки», «послухи» и «свидетели» в отечественном праве XI–XVI веков»[5] кандидат юридических наук Екатерина Вячеславовна Староверова обращает внимание, что в большинстве случаев термины *видок* и *послух* соотносятся примерно так же, как в современной действительности соотносятся термины *очевидец* (в бытовом смысле слова) и *свидетель* (в юридическом смысле слова, т. е. в значении участника судопроизводства). Впервые термины *видок* и *послух* встречаются в «Русской Правде». Разделение свидетелей на *послухов* и *видоков* исчезает к моменту выхода Судебника 1497 года. С этого момента все свидетели называются *послухами*. И лишь с начала XVIII века этот термин выводится из оборота.

Примечательна история старославянских слов *тать* и *татьба*. Энциклопедия «Русская цивилизация» указывает, что в широком значении тать — преступник вообще, в том числе государственный преступник. Различные наказания за *татьбу* предусмотрены еще в Русской Правде. *Татьбе* посвящен ряд норм в Судебниках 1497 и 1550 гг., в Соборном уложении 1649 г. Указом 1781 г. термины «*тать*» и «*татьба*» в судопроизводстве были заменены словами *вор* и *воровство*[6].

В статье 221 УК РСФСР 1960 г. встречался термин «*незаконное врачевание*», однако с принятием в 1996 г. нового Уголовного кодекса РФ такому роду преступления ст. 235 было дано новое определение: «*Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью*». Таким образом, здесь можно говорить о синонимической замене.

Стоит заметить, что у каждого правила есть исключения. Абсолютные архаизмы не выведены из употребления окончательно, их используют публицисты и ораторы с целью придания речи образности, выразительности, экспрессии. Так, архаизм «судилище», т. е. «судебное разбирательство», употреблен в заголовке статьи от 18 июля 2013 г. «Политическая комбинация, судилище или карма: новгородцы комментируют приговор Навальному»[7]. За счет употребления архаизма заголовок притягивает к себе внимание, т. к.

---

[4] *Ковалдо Л. Я.* Культура письменной и устной русской речи. Деловое письмо. М., 2021. С. 93.

[5] *Староверова Е. В.* О значении терминов «видоки», «послухи» и «свидетели» в отечественном праве XI–XVI веков// Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015». М., 2015. С. 1–2.

[6] Энциклопедия «Русская цивилизация». URL: https://endic. ru/enc_rus/Tat-1690. html (дата обращения: 19.01.2022).

[7] Стилистика русского языка и культура речи: Курс лекций… М., 2014. С. 41.

читатель как будто ощущает эмоции автора статьи, которые кроются за словами. Однако употребление абсолютных архаизмов уместно лишь в подобных случаях, во всех остальных случаях стоит помнить о том, что смысл важнее слов и главное в сильном тексте — забота о читателе[8].

Если абсолютные архаизмы всегда заменены в современной речи синонимами, то относительные архаизмы часто встречаются в том или ином стиле, например, в деловой речи. Относительные архаизмы можно разделить на две группы. К первой будут относиться те архаизмы, которые не имеют экспрессивной окраски. Например, юридические термины *деяние, дееспособный, содеянное, кара, возмездие,* снабженные в словарях пометой *(арх.)*. Ко второй группе будут относиться относительные архаизмы, которые утяжеляют восприятие официально-деловой речи. Сравните: «*Означенные* документы были переданы в прокурорский надзор области» и «*Указанные* документы были переданы в прокурорский надзор области». Согласитесь, второе предложение воспринимается проще, потому что не стоит задумываться о значении слова *означенные*. По мнению К. А. Логиновой, в основном в официально-деловой письменной речи определилась тенденция: в тех случаях, когда устаревшие или устаревающие слова без ущерба для содержания могут быть заменены более современными, нужно отдавать предпочтение последним[9]:

Убийства не было вовсе, а имела место его инсценировка, авторами и исполнителями которой были некоторые из *вышеозначенных* (правильно: *вышеназванных*) лиц;

По получении оного документа (правильно: *по получении* или *при получении упомянутого документа*) Вам необходимо будет явиться в суд.

Зарубежные законодатели, подчёркивая приоритетность направления частного бизнеса, внесли понятие частно-государственного партнёрства, *дабы* (правильно: *чтобы*) подчеркнуть приоритет именно бизнеса над государством в этом союзе.

Среди относительных архаизмов С. Ю. Кабашов называет часто встречающиеся в языке управления: *воспрещается (запрещается), впредь (в дальнейшем), на предмет (для), дабы (чтобы), коль скоро (когда, если), посему (поэтому), по принадлежности (по назначению), к сему (этому) прилагается, таковой (такой), потребный (необходимый), коего (которого)*[10].

Стоит отметить, что законодатель реализует возможность замены архаизмов синонимами там, где это возможно. Так, наличие архаизмов *приискание, притон, сокрытие* в тексте УК РФ 1996 г. обусловлено тем, что в современном официальном языке им нет равнозначной синонимической замены[11], поэтому они относятся не к абсолютным, а к относительным архаизмам, которые не придают деловой речи экспрессивной окраски.

В русском языке встречаются идентичные по написанию и звучанию слова, но разные по значению, т. е. омонимы. К ним относится абсолютный архаизм «*вор*» в значении «злодей, государственный изменник», которое было популярно в XVI–XVIII вв. Мы можем найти пример употребления этого слова в романе Алексея Николаевича Толстого «Петр Первый» («Петр писал Ромодановскому: «…в людях зело нужда есть, вели по всем городам собрать воров, — слать их сюда»). В современном языке слово *вор* изменило свое значение[12]. Большой толковый словарь называет *вором* того, кто ворует, занимается воровством[13].

Интересна история омонимов «*бюрократия*» и «*бюрократия*». Этот термин

---

[8] *Ильяхов М., Сарычева Л.* Пиши, сокращай: как создавать сильный текст. М., 2020. С. 27, 31.

[9] *Логинова К. А.* Деловая речь и ее стилистические изменения. М., 1998. С. 56.

[10] *Кабашов С. Ю.* Основы деловой (служебной) письменной речи в сфере управления: Учебное пособие. М., 2020. С. 35.

[11] *Брадецкая И. Г.* Русский язык и культура речи. М.: РГУП, 2018. С. 59.

[12] *Ковалдо Л. Я.* Указ. соч. С. 94.

[13] *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%B2%D0%BE%D1%80

был введен в научный оборот в середине XVIII в. французским экономистом В. де Гурнэ. Он употреблял его для обозначения способа осуществления государственной власти с помощью оплачиваемых чиновников. С течением времени этот термин менял содержание и смысл[14]. В современном мире *бюрократия* определяется как иерархически организованная система управления, при которой деятельность руководящих органов направлена преимущественно на обеспечение ведомственных интересов в ущерб интересам общества, или как формализм в ведении дел, приводящий к медленному, затруднённому прохождению необходимых или очевидных решений[15].

Таким образом, задавшись вопросом, почему одни архаизмы никогда не употребляются в современной речи, а другие появляются довольно часто, мы можем сделать следующие выводы.

1. Лингвисты выделяют абсолютные и относительные архаизмы. Последние часто употребляются в деловой речи. Относительные архаизмы можно разделить на две группы, отнеся к первой те архаизмы, которые в деловой речи не имеют экспрессивной окраски, а ко второй — те, которые утяжеляют восприятие официально-деловой речи. Относительные архаизмы второй группы со временем переходят в разряд абсолютных архаизмов, так как они усложняют восприятие информации, делают устную или письменную речь более грузной. Такие переходы свидетельствуют об эволюции языка.

2. Причиной появления абсолютных архаизмов служит буква закона, которая одним указом может вывести слово из оборота, заменив его синонимом.

3. Среди абсолютных архаизмов встречаются омонимы, т. е. слова, которые, сохраняя свой облик, с эволюцией языка меняют только значение.

4. В исключительных случаях абсолютные архаизмы употребляются СМИ с целью привлечь внимание зрителя.

5. В тех случаях, когда абсолютные или относительные архаизмы без ущерба для содержания могут быть заменены более современными синонимами, нужно отдавать предпочтение последним, так как смысл важнее слов и главное в сильном тексте или в сильной речи — забота о читателе или слушателе.

(дата обращения: 19.01.2022).

[14] *Морозова Л. А.* Теория государства и права: учебник. М., 2020. С. 142.

[15] *Кузнецов С. А.* Указ. соч.